

ISSN 2072-8557

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

№ 3 / 2013

СОДЕРЖАНИЕ

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ

<i>Багдасарян В.Э.</i> КОНСТИТУЦИЯ И ЦЕННОСТИ.....	5
<i>Алексеев Р.А.</i> КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1993 ГОДА: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ, СВОЙСТВА И СУЩНОСТЬ	13

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

<i>Гольшиев В.Г.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ СЕКТОР В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ.....	20
<i>Козьякова Н.С.</i> ПРОЦЕСС ВЫБОРНОЙ ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ В ТОРЕ, НОВОМ ЗАВЕТЕ И КОРАНЕ.....	25

РАЗДЕЛ II.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

<i>Арямов А.А., Шарафутдинов Е.А.</i> МЕХАНИЗМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕДР ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЯДА ГОСУДАРСТВ.....	30
<i>Мерзлякова В.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВА ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	39
<i>Надысева Э.Х.</i> НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ.....	42
<i>Пещеров Г.И.</i> ЧТО ТАКОЕ НАКАЗАНИЕ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.....	46
<i>Румянцев А.Ю.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ФАНТОМ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	50

РАЗДЕЛ III.

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<i>Семькин В.В.</i> ПРИМЕНЕНИЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ДЕЛ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА.....	59
---	----

РАЗДЕЛ IV.

Трибуна молодого учёного

<i>Ларин П.И.</i> УГОЛОВНАЯ ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (СТ. 170.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ).....	63
<i>Наши авторы</i>	67

CONTENTS

TO THE 20TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>V. Bagdasaryan.</i> CONSTITUTION AND VALUES	5
<i>R. Alekseyev.</i> 1993 CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, FUNCTIONS, FEATURES AND ESSENCE	13

SECTION I.

HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW. POLITICAL ISSUES

<i>V. Golyshev.</i> TOWARDS THE PECULIARITIES OF STATE - LEGAL IMPACT ON BUSINESS SECTOR IN RUSSIA IN THE 19TH CENTURY	20
<i>N. Kozyakova.</i> THE PROCESS OF ELECTIVE DELEGATION OF POWER IN THE TORAH, THE NEW TESTAMENT AND THE KORAN	25

SECTION II.

STRENGTHENING THE RULE OF LAW SCIENCE, FIGHT AGAINST CRIME

<i>A. Aryamov, E. Sharafutdinov.</i> THE MECHANISM OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF NATURAL RESOURCES UNDER SOME LEGISLATIONS	30
<i>V. Merzlyakova.</i> SOME PROBLEMS TO CATEGORIZE THE CASES OF POLICE ABUSE OF AUTHORITY	39
<i>E. Nadyseva.</i> SOME THEORETICAL ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE SYSTEM OF PENALTIES FOR OFFENCES AGAINST PUBLIC MORALITY	42
<i>G. Peshcherov.</i> WHAT IS PUNISHMENT? PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE EVOLUTION OF IMPRISONMENT	46
<i>A. Rummyantsev.</i> FORENSIC CHARACTERISTIC OF CRIME: PHANTOM OR REALITY?	50

SECTION III.

PRIVATE LAW AND ENTREPRENEURSHIP

<i>V. Semykin.</i> JUDICIAL DISCRETION APPLICATION AT RESOLVING CASES ON COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE	59
---	----

SECTION IV.

TRIBUNE YOUNG SCIENTIST

<i>P. Larin.</i> THE ILLEGITIMACY OF THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES FALSIFICATION (ART. 170.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)	63
OUR AUTHORS	67

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ

УДК 342

Багдасарян В.Э.

Московский государственный областной университет

КОНСТИТУЦИЯ И ЦЕННОСТИ *

V. Bagdasaryan

Moscow State Regional University

CONSTITUTION AND VALUES

To the 20th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматривается проблема аксиологических оснований конституционного строительства. Доказывается положение о преобладании типа ценностносодержащих конституций. Приводятся результаты количественного контент-анализа в отношении ценностных компонентов конституционных текстов. Конституция РФ рассматривается в сравнении с конституциями стран мира. Дается прогноз о грядущей конституционной реформе в России.

Ключевые слова: Конституция, национальные ценности, контент-анализ, аксиология, конституционные циклы.

Abstract. The article discusses the problem of axiological foundations of constitutional development and proves the predominance of values-oriented types of constitutions. The results are presented of the quantitative content analysis with respect to the component values of constitutional texts. The Constitution of the Russian Federation is considered in comparison with the constitutions of other countries in the world. Some predictions are made of the forthcoming constitutional reform in Russia.

Key words: The Constitution, values, content analysis, axiology, constitutional cycles.

В знаменитой сенатской речи против рабства видный сподвижник Авраама Линкольна, будущий госсекретарь США Уильям Сьюард заявлял: «Есть Закон и выше Конституции» [6]. Сенатор имел в виду Закон Божий. Указывалось на очевидный диссонанс между христианскими ценностями и узаконенным американской Конституцией институтом рабства. Как известно, в результате событий Гражданской войны эта конституционная норма была отменена и ценностный диссонанс, таким образом, ликвидирован. Задача, которая стоит в данном случае перед нами – в анализе ценностного содержания и ценностных диссонансов в Конституции Российской Федерации. В качестве ключевого исследовательского метода использован контент-анализ, применяемый в междолевых сравнениях конституционных текстов.

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2014 гг.

© Багдасарян В.Э., 2013.

Историко-аксиологическая эволюция Основного закона. В настоящее время Конституция оценивается в качестве эквивалентного понятия по отношению к дефиниции «Основной закон». Однако при рассмотрении проблемы в мегаисторической проекции обнаруживается их категориальное разграничение. Исторически смысловое значение Основного закона подвергалось кардинальным трансформациям. Первоначально под ним понимался комплекс религиозных заповедей. По существу во всех религиях откровения под законом, в сакральном смысле слова, понимался именно закон Божественный. В другом случае он попросту не был бы легитимен. Ведическая религия сама определялась индусами как закон Ариев. Для евреев Израиля Основной закон по сей день – это Тора. По этой причине израильтяне по сей день упорно воздерживаются от принятия Конституции [2]. В правосознании населения средневековой Руси обнаруживается четкое разграничение: одно дело – Судебник, а совсем другое – Закон Божий. Отмеченное разграничение сохранялось и в период Российской империи. Закон Божий по-прежнему четко различался по уровневой приоритетности со Сводом гражданских законов. Закон Божий в традиционных системах права ценностно окормляет собой светское законодательство [5; 6].

Начало расщепления единой аксиологической системы правосознания происходит под влиянием распространения теории двух истин. Окончательно наступление этого раскола контекстуализируется в идейном отношении с эпохой Просвещения. Именно в атмосфере просветительства рубежа XVIII-XIX вв. возникают первые Конституции, формируется направление конституционализма. В основе конституционного феномена, в диссонанс с прежним пониманием Основного закона, лежала секулярная идея. Другое дело, что остались, конечно, мировоззренческие компоненты, в большей или меньшей степени инкорпорированные в конституционные статьи. Известно, что разработчиками первых конституций: и американской, француз-

ской, польской, и других (в т.ч. российских конституционных проектов эпохи Александра I) [4] являлись лица, принадлежавшие к ложам «вольных каменщиков». Фиксируются буквально текстовые совпадения уставов масонских братств с первыми конституциями (особенно в части преамбулы) [3]. Еще более очевидно такого рода компоненты обнаруживаются в Декларации прав человека и гражданина и в первых Декларациях независимости.

Так, Декларация прав человека и гражданина открывается с апелляции к некой теологической фигуре – Верховному существу. Характерно, что не к Христу. Далее в ней проводится связь Верховного существа (традиционное масонское наименование Демиурга) с выдвигаемым концептом естественных прав человека. Сообразно с пантеистическим миропониманием, Бог растворяется в Природе, и человек, будучи частицей божественно-природной субстанции, уже в силу своего рождения наделен естественными правами. Отсюда выстраивалось все дальнейшее развитие идеологии прав человека [18].

Показательна также в этом отношении Декларация независимости США. Она открывается положением о том, что права человека устанавливаются по законам природы и ее Творца [1; 14; 19]. Дальше – все люди наделены их Творцом неотчуждаемыми правами. Христианская мысль, как известно, ничего о неотчуждаемых правах, а тем более о естественном праве человека, не говорит. Напротив, в ней получила развитие прямо противоположная идея – о первородном грехе. Право, согласно с христианской традицией, дается не в силу рождения, а на основании Божественного завета: Ветхого – для евреев, Нового – для христиан.

В итоге отмеченного расщепления духовные ценности оказываются вытеснены в сферу религии и культуры. Светское же законодательство фокусировалось в основном на естественном интересе, будучи связано с благосостоянием и гражданскими права-

ми человека. Но, вместе с тем, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что нет ни одной конституции, в которой не был бы представлен и духовно-мировоззренческий компонент правосознания. Весь вопрос в пропорциях представленности. Именно духовные ценности конституций определяют их национальное своеобразие. Наша задача состоит в данном случае в выявлении пропорций их представительства в Конституции РФ.

Типы конституций. Часто можно услышать: как можно говорить о ценностях – патриотизме, коллективизме, нравственности применительно к конституционному законодательству. Конституция, указывают оппоненты, это же юридический документ. Однако анализ конституций стран мира показывает, что они по своему формату достаточно различны. Есть конституции как юридизированный документ. И, соответственно, конституционный язык является в них исключительно юридическим. Но есть конституции другого типа, представляющие собой жизнеустроительный документ. Конституционный язык в данном случае является сочетанием ценностно-мотивационной и юридической лексики.

Приведу один фрагмент текста: «В сфере укрепления экономики основной целью станет удовлетворение материальных потребностей человека на пути его развития и духовного роста. Такой принцип отличает экономику нашей страны от других экономических систем, где основная цель – накопление богатства и увеличение доходов. Материалистические школы рассматривают экономику как конечную цель, что является подрывающим и разлагающим фактором процесса развития человека. В исламе экономика – это всего лишь средство для достижения конечной цели». Что это за текст? Это раздел преамбулы Конституции Ирана [8]. То есть возможны и такие формулировки, которые, казалось бы, немыслимы по отношению к Конституции России. Но, может быть, Иран – это исключение из мировой конституционной практики?

Анализ содержания различных конституций стран мира позволяет выявить их идеологические основания. Форма выражения идеологий в конституционных текстах может быть различна. Бывают номинированные и не номинированные идеологии. В одних случаях это религия и апелляция к соответствующим сакральным текстам. Другой вариант – это непосредственно та или иная политическая идеология со ссылкой на определенные учения. Наконец, в третьем случае – это то, что называют «постидеологией», когда идеологические компоненты не явно номинированы, но подразумеваются как нечто само собой разумеющееся. Ценностный компонент обнаруживается, таким образом, при любом из вариантов.

Далее посмотрим – какой конституционный формат преобладает. Действительно ли юридизированные Конституции – преобладающий и универсальный тип? Для ответа на этот вопрос был проведен контент-анализ имеющихся в нашем доступе около ста основных законов стран мира. В рассматриваемый перечень вошли все конституции европейских и азиатских стран, а также значительной части американских.

Как известно, в Конституции России нет национальных идентификаторов: ни «русский», ни даже «россиянин». Так ли это в других Конституциях? Обнаруживается, что нет. В более чем 90% Конституций стран мира национальный идентификатор присутствует. А насколько распространены религиозные идентификаторы? Казалось бы, в рамках секулярного государства это немыслимо. И действительно, в Конституции России нет ни православия, ни христианства. Однако почти 59% Конституций стран мира такой религиозный идентификатор содержат. Но, может быть, сказывается при данных расчетах инерция Востока? Может быть, статистика будет иной при ограничении масштабами, иначе – в Европе. Все-таки Европа развивается иначе, нежели страны Востока? Эти сомнения не подтверждаются. Примерно те же самые цифры по Европе – 60% конститу-

ций, содержащих религиозные идентификаторы, и 82,9% – национальные.

К вопросу о проекции Конституций на идеологию: какие могут быть индикаторы идеологичности конституционных текстов? К таким индикаторам относятся: категория «Бог»; измененные словообразования («национализм», «патриотизм», «социализм» и т.п.); сакрализационные термины – «священный», «святой» (они присутствовали, например, в Советской Конституции, но их нет в современной); слово «духовность». Всех этих слов нет в современной Конституции России. Но как обстоит ситуация в мире. Несмотря на распространенное представление об универсальности принципа светскости, большинство конституций мира содержат апелляцию к существованию Бога. Категорией «Бог» оперируют и более половины конституций европейских стран. Большинство мировых конституционных текстов содержат также и все другие перечисленные выше идеологические индикаторы.

Принципиальным является ответ на вопрос – в каком конституционном кластере находится Россия. Доля конституций, которые не содержат ни национальных, ни религиозных идентификаторов, всего 8,2%. Доля же Конституций, не содержащих всех перечисленных ценностно-мировоззренческих индикаторов – 14,1%. Таким образом, юридизированных конституций в мире меньшинство. Среди них и Конституция России. Нам говорят о том, что ценностно выхолощенный конституционный текст есть универсалия. Однако сравнительный анализ показывает, что это совсем не так.

Конституционный ценностный классификатор. Классификация ценностных ориентиров, которые присутствуют в конституциях разных стран, позволяет выделить следующие типы аксиологических идеологем:

- Бог, религиозные и этические ценности;
- историческая традиция государственности, апелляция к предкам;
- государственное единство;
- идеологический проект, апелляция к будущему;

– национальное освобождение, суверенность;

– международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами;

– специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия;

– права и благосостояние человека.

Данные установки представлены в конституционных текстах в разных соотношениях и иерархиях. Посмотрим, как эти перечисленные ценностные ориентиры находят отражение в современной российской Конституции. Ее преамбула содержит апелляцию к шести аксиологическим принципам из восьми. Однако их формулировка в российской Конституции минимально решает те задачи, которые этими ценностными ориентирами определяются. Сравним характер их выражения с конституционными текстами иных государств.

Первый параметр: Бог, религиозные и этические ценности. В Конституции РФ данный ценностный ориентир вовсе отсутствует. Противопоставить этому вакууму можно далеко не только законодательство политеократического Ирана, но и конституционные тексты традиционно позиционирующихся в качестве светских либерально-демократических государств. Для примера возьмем Конституцию Швейцарии, демократизм которой вряд ли кто поставит под сомнение. Открывается она следующим обращением: «Во имя всемогущего Бога, швейцарский народ и кантоны, чувствуя ответственность перед Творением...» [12].

Второй параметр: историческая традиция государственности, апелляция к предкам. Конституция РФ – «соединенные общей судьбой на своей земле». Что утверждает данная фраза? Она не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Проводится мысль, что народы России объединились, создав государственность не на основе какой-либо осознанной идеи, сознательного выбора, а в силу действия некой судьбы, фатума, сведшего их на одной территории. Для сравнения обратимся к тексту Конституции

Словакии: «В смысле духовного наследия Кирилла и Мефодия и исторического завета Великой Моравии...». Постановка вопроса совершенно другая.

Третий параметр: государственное единство. Конституция РФ – «сохраняя исторически сложившееся государственное единство...». К данной формулировке может быть адресован тот же упрек, что и в предыдущем рассмотренном примере. Государственное единство России, указывает приводимый конституционный фрагмент, сложилось именно таким образом исторически, без объяснения причин и оснований этого единения. В общем, так случилось. Почему же народы России должны стремиться сохранить данный исторический конструкт, разъяснений не следует. Совершенно иная формулировка предложена в тексте договора о Европейском союзе: «Полные решимости перейти на новый этап в европейской интеграции, заложенные образованием европейских сообществ; сознавая историческое значение прекращения деления европейского континента и необходимость образования прочных основ для строительства будущей Европы» [13, с. 249].

Четвертый параметр: идеологический проект, апелляции к будущему. В российской Конституции данный ценностный ориентир представлен в минимально конкретизированном с точки зрения номинации целей виде: «обеспечить благополучие и процветание России» [7, с. 3]. Возможно ли в современном деидеологизированном мире нечто иное? Чтобы убедиться в такой возможности, достаточно обратиться к преамбуле турецкой Конституции: «В соответствии с концепцией национализма, а также формами и принципами, провозглашенными основателем Республики Турция бессмертным лидером и непревзойденным героем Ататюрком, настоящая Конституция, которая утверждает вечное существование Турецкой нации и Родины, а также неделимое единство турецкого государства...» [12, с. 216]. Турция – это государство член Северо-атлантического альянса, для вхождения в которой идеологи-

чески аккумулятивная конституция не стала препятствием.

Пятый параметр: национальное освобождение, суверенность. Номинационный ценностный ориентир представлен в Конституции РФ двумя смысловыми утверждениями: «возрождая суверенную государственность» и «исходя из общих принципов самоопределения народов». Заявляя о возрождении суверенной государственности, демонстрируется отрицание советского опыта государственного строительства. Подразумевается, что суверенности в рамках СССР не было. Данное положение противоречит идее политического преемства Российской Федерации от Советского Союза и непрерывности потока национальной истории. С изгнанием в 1612 г. поляков из Москвы Россия более никогда не утрачивала государственного суверенитета. Менялись лишь ее официальные названия. Суверенность России сохранялась и в прославленном многими выдающимися достижениями советском периоде ее истории. С этой точки зрения корректнее говорить не о возрождении суверенной государственности России, а об установлении нового формата российской государственности – Российской Федерации.

Апелляция к «общим принципам самоопределения народов» имеет в специфических российских условиях многоэтничности и во все дезинтеграционное значение. Используемая как обоснование государственного единства России, данная фраза может быть применена и в прямо противоположном смысле. Иной тип формулировки идей национального освобождения и суверенности представляет литовская Конституция: «Веками решительно защищавший свою свободу и независимость, сохранивший свой дух, родной язык, письменность и обычаи, воплощая естественное право человека и каждого народа свободно жить и творить на земле своих отцов и предков – в независимом Литовском государстве» [11, с. 322].

Шестой параметр: международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами. Определение ме-

ста России в мире исчерпывается в Конституции РФ следующим утверждением: «Сознавая себя частью мирового сообщества». Претензии на какую-либо особую роль отсутствуют. Нет даже указания на национальные интересы. Главный обозначенный ориентир – международная интеграция. Для сравнения, конституция КНР расставляет приоритеты внешней политики совершенно иначе: «Китайский народ должен будет вести борьбу против внутренних и внешних вражеских сил и элементов, которые подрывают наш социалистический строй. Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение великого дела воссоединения Родины – священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване» [9, с. 225].

Седьмой параметр: специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия. Данный ценностный ориентир в Конституции РФ совершенно не отражен. Тематика цивилизационной специфичности и национальной самобытности России оказалась чужда конституционным законотворцам. Для сравнения обратимся к Конституции Ирландии. Первая (что само по себе показательно) статья Основного закона республики звучит следующим образом: «Ирландский народ настоящим утверждает неотъемлемое, неотчуждаемое и суверенное право избирать собственную форму правления, определять свои отношения с другими народами и развивать свою политическую, экономическую и культурную жизнь в соответствии с его собственными склонностями и традициями» [10, с. 779]. Ирландские законодатели посчитали, таким образом, необходимым продекларировать, что политика, экономика и культура страны имеет собственные национальные традиции формирования и определяется в своем развитии в соответствии с ними.

Восьмой параметр: права и благосостояние человека. Указанный ценностный ориентир не только номинирован в преамбуле, но и проходит через весь текст российской Конституции. Вторая статья дает перечень высших государственных ценностей – «человек,

его права и свободы» [7, с. 9]. И все! В этом ценностном ряду не нашлось места даже для самой России. Идеологический перекося в российской Конституции в направлении неолиберального ценностного подхода представляется, таким образом, очевидным.

Конституционные циклы и перспективы ценностной инверсии российского Основного закона. Главное, предупреждают приверженцы либеральной теории понимания права, ни в коем случае нельзя изменять Конституцию. Такого рода изменения подрывают, с их точки зрения, основы правосознания, выстраивающиеся на безоговорочном признании авторитета высшего закона. Но Конституция – это не религиозный сакрализированный текст Божественного откровения. В отличие от последнего, конституционное законодательство выступает не целью, а средством, инструментарием реализации соответствующих ценностных установок. Поэтому догматизация текста Конституции снижает ее действенные потенциалы. Несоответствие вызовам и запросам современности делает закон юридически бессмысленным. Ссылка здесь на историческую устойчивость американской Конституции является на мировом фоне исключением из правил. Как правило, конституционное законодательство довольно часто модернизируется. Из существующих на сегодняшний день конституций значительная часть была принята позже российского Основного закона. Из всех существующих в мире Конституций 31,0 % были приняты уже после того, как 12 декабря 1993г. референдум в РФ утвердил новое конституционное законодательство.

Возрастное распределение конституций позволяет заметить, что в России она на общем мировом фоне не выглядит в достаточной степени «молодой» [17, с. 666-672]. Распределение в данном случае проводилось в 5-летнем временном интервале от даты установления конституционного закона. Российский Основной закон принадлежит к самой распространенной по численности возрастной группе конституций – 15-20 лет. Особое диспропорциональное выделение

данной группы указывает, что именно от-носимые к ней государства при прохожде-нии двадцатилетнего рубежа должны быть объективно подвержены конституционному реформированию. За 15-20 лет происходит смена поколений в человеческом смысле. Соответственно, происходит определенная ценностная модификация. Должно ли кон-ституционное законодательство реагировать на эти аксиологические инверсии. С одной стороны, базовые национальные ценности, составляющие фундаментальную основу цивилизационного бытия, не могут пере-сматриваться при каждом новом поколении граждан. Но, с другой, не должно быть и кон-ституционной консервации, препятствующей историческому развитию народа, в том числе его ценностной рефлексии. Это задача на оптимизацию, на уровне конституцион-ного законодательства, традиционного и мо-дернизационного компонентов националь-ной жизни.

В девяностые годы записные либераль-ные публицисты часто иллюстрировали со-ветский правовой нигилизм частым пере-смотром основного закона – «ленинская конституция», «сталинская конституция», «брежневская конституция». Едва не состо-ялась еще и «хрущевская конституция». Но достаточно обратиться к мировому опыту, включая опыт западных государств, чтобы убедиться, что конституционное реформи-рование является событием тривиальным. Никто ведь не будет говорить о правовом нигилизме испанцев на том основании, что Конституция Испании менялась 11 раз, не считая вносимых в каждую из них поправок. Для Франции ныне действующая конститу-ция и вовсе 15-я по счету. И что с того? Осу-ществляя законодательную модернизацию, государства решают через нее возникшие управленческие задачи, вырабатывают адап-тивную модель соотношения основных за-конов с новой изменившейся исторической реальностью. Для стран «третьего мира» за-мены Конституций осуществляются в целом с той же ритмической периодичностью [17]. Таким образом, если замена существующей

Конституции РФ диагностируется как на-зревшая необходимость, доводы о противо-показанности такого шага, не будучи в до-статочной степени аргументированными, и не должны служить весомым препятствием в принятии соответствующего политическо-го решения.

Идея пересмотра Основных законов ак-туализируется в российском политическом дискурсе с устойчивой периодичностью. Ис-следователи говорят об особых исторически проявляемых конституционных циклах Рос-сии [15]. В данном случае мы прослеживаем их ритмическую динамику, начиная с кон-дичий, предъявленных в 1730 г. Анне Иоан-новне. Диапазон конституционного цикла в России составляет временной интервал от 13 до 26 лет. Соответственно, усредненное зна-чение циклически повторяемой конститу-ционной активности будет соответствовать 19-20 годам. Имея в распоряжении данную величину, можно прогнозировать, что рос-сияне увидят скоро новую Конституцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекер Г. История американского народа. [Т.2] Американская революция 1763—1783. – М.: На-ука, 1962. – 589 с.
2. Госратян С.М. Религиозные партии государства Израиль. – М.: ИИИиБВ, 1996. – 193 с.
3. Захаров В.Ю. Основные этапы развития масон-ства в России, его соотношение с конституцио-нализмом // Научные труды Московского гума-нитарного университета. – 2008. – Вып. 96. – С. 35-49.
4. Касаткин В.П. Попытка становления конституци-онализма в России в период правления Алексан-дра I // Проблемы правоправления: научно-практи-ческий журнал. – 2003. – Вып. 1. – С. 25-30.
5. Клибанов А.И. Духовная культура средневеко-вой Руси. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 368 с.
6. Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Е., Ланчиков В.К. Политика и крылатика: высказывания вид-ных политических, государственных и обще-ственных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады. – М.: Р.Валент, 2004. – 232 с.
7. Комментарий к Конституции Российской Феде-рации / Авт.-сост. О.А. Кудинов. – М.: Ось-88, 2005. – 112 с.
8. Конституции государств Азии: в 3-х т. Т. 1 : За-падная Азия / Ин-т законодательства и сравнит.

- правоведения при Правительстве РФ. – М.: Норма, 2010. – 544 с.
9. Конституции государств Азии: в 3-х т. Т. 3: Дальний Восток / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Норма, 2010. – 1040 с.
10. Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред.: Окуньков Л.А. – М.: Норма, 2001. Т.1. – 824 с.
11. Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 2 / Под общ. ред.: Окуньков Л.А. – М.: Норма, 2001. – 840 с.
12. Конституции государств Европы: в 3-х т. Т. 3: Россия-Югославия / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: Норма, 2001. – 792 с.
13. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие/Сост. проф. В.В.Маклаков. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2007. – 608 с.
14. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. – М.: Госюриздат, 1957. – 587 с.
15. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005. – 547 с.
16. Памятники русского права: вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV—XV вв. – М.: Госюриздат, 1955. – 527 с.
17. Саидов А.Х. Национальные парламенты мира: энциклопедический справочник / ИГиП РАН. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 699 с.
18. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1989. – 445 с.
19. Фурсенко А.А. Американская буржуазная революция XVIII в. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 152 с.

УДК 342(470)

Алексеев Р.А.

Московский государственный областной университет

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1993 ГОДА: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ, СВОЙСТВА И СУЩНОСТЬ

R. Alekseyev

Moscow State Regional University

1993 CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, FUNCTIONS, FEATURES AND ESSENCE

Аннотация. В статье рассмотрены происхождение термина «конституция» и статус Конституции как Основного закона страны. Конституция РФ, как правовой акт, имеющий высшую силу, описывается с разных сторон: дан анализ сущности конституции и неоднозначность ее определения, рассмотрены содержание и основные функции конституций, их суть, свойства. Взгляд на Конституцию как на политический и идеологический документ позволяет определить основы правового статуса человека и гражданина, отношений государства и личности, социального государства. Отмечены особенности Конституции РФ и ее сходство и различия с традиционными конституциями развитых демократических стран.

Ключевые слова: Основной закон, концепции сущности конституции, основные функции конституции, особенности Конституции РФ.

Abstract. The article studies the origin of the term «constitution» and analyses the status of Constitution as the Basic Law of the country. The author provides a multifaceted analysis of the Constitution of the Russian Federation as a legal act of the highest power. The essence of the Constitution is examined and its content is considered in detail. The ambiguity of definition of constitution is revealed. The basic functions of constitutions, their essence and properties are considered. The Constitution is viewed as a political and ideological document. Attention is paid to the bases of legal status of man and citizen, state and personality interrelationships, social state. The author points up both the features of the Constitution of the Russian Federation and its similarities with the constitutions of advanced democratic countries.

Key words: constitution, essence, content, basic functions, features of the Constitution of the Russian Federation.

Конституция РФ является народной, а не октроированной (т.е. дарованной), так как была принята всенародным голосованием на референдуме. Основной закон России отражает интересы многонационального народа РФ, соответствует фактически существующим отношениям и содержит правовые нормы общего характера, являющиеся основополагающими для всего текущего правового регулирования. Все другие источники права исходят из конституционных норм, детализируют и разъясняют их положения.

В переводе с латыни термин «конституция» («*constitutio*») переводится как «устанавливать, либо учредить». Однако необходимо отметить, что происхождение данного термина научно не установлено. В современной науке государственного права делается предположение о том, что данный термин происходит от названия актов римских императоров. Первоначально по отношению к конституции применялся термин «Основной закон» государства. Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что конституция есть важнейший институт демократии. В настоящее время в государственном (конститу-

ционном) праве под конституцией принято понимать Основной закон государства, обладающий высшей юридической силой, прямым действием для применения, который выражает консолидированную волю населения страны в целом (либо интересы определённых социальных групп), определяющий конституционно-правовой статус личности, основы государственного строя, а также систему и структуру высших органов государственной власти в РФ [2, с.12].

Действующая Российская Конституция от 12 декабря 1993 г. утверждает общедемократические начала, предоставляет гражданам государства равные личные, политические, социально-экономические, культурные права и свободы, а также защиту данных прав и свобод как согласным, так и несогласным с Основным законом гражданам.

Конституция играет огромную роль в жизни любого государства и общества, занимает центральное место в правовой системе государства, что, в свою очередь, обуславливает необходимость изучения её структуры, сущности и функций, в том числе и Конституции РФ, как самостоятельного объекта научного исследования. Основные черты Конституции как политико-правового документа характеризуют её связь с общественным развитием, специфику конституционного воздействия на жизнь страны. Конституция раскрывает и закрепляет самое главное в общественных отношениях, используя при этом минимальное количество норм. Она чётко и ясно отражает суть общественных отношений, даёт направление и определяет принципиальное содержание их последующей регламентации.

В связи с этим особую актуальность в современных условиях приобретает анализ основных черт и юридических свойств Конституции Российской Федерации 1993 г., определение её сущности в целях повышения юридической грамотности населения и её главенствующей роли в системе источников права России. Об актуальности выбранной темы свидетельствует ряд фактов по внесению поправок в 4 и 5 главы Основного закона, касающихся порядка образова-

ния и сроков полномочий таких институтов государственной власти, как: Президент РФ, Совет Федерации Федерального собрания РФ, Государственная дума Федерального собрания РФ, которые влияют не только на конфигурацию расстановки органов государственной власти, но и на развитие основ конституционного строя, которые оказывают непосредственное влияние на сущность Основного закона страны [4, ст. 81, 95]. Нельзя обойти вниманием и изменения, произошедшие в ст. 65 Конституции РФ. Эти изменения касаются субъектного состава Российской Федерации, которые приводят к сокращению субъектов РФ из-за их слияния (в настоящее время в состав РФ входит 83 субъекта РФ), что свидетельствует о тенденции централизации государственной власти.

Конституция РФ выступает в качестве нормативно-правового акта, который принимается либо всенародным голосованием, либо специально созданным органом (Конституционное Собрание РФ), либо высшим органом законодательной власти (т.е. парламентом). С точки зрения юридической силы, Конституция РФ занимает главенствующее положение в законодательстве государства, так как содержит в себе основополагающие начала национальной системы права. Содержание Основного закона отвечает на два главных вопроса – кем осуществляется государственная власть и в интересах кого она осуществляется. Нормы, содержащиеся в Конституции РФ, выступают главенствующими как для функционирования институтов государственной власти, различных по спектру политических партий, общественных организаций и объединений, выборных и назначаемых должностных лиц; так и для граждан РФ, лиц без гражданства и иностранцев, временно или постоянно проживающих на её территории.

В науке конституционного права термин «конституция» употребляется в нескольких значениях. Под «фактической конституцией», принято понимать существующие в реальной жизни (т.е. применяющиеся на практике) основы общественно-политического

строю, характеризующие общий правовой статус личности в том или ином государстве. С точки зрения формального (т.е. юридического) подхода, под Конституцией принято понимать кодифицированный нормативный правовой акт (т.е. закон) или несколько законов (не кодифицированная конституция, в основном характерная для стран англосаксонской правовой семьи), обладающий высшей юридической силой, который имеет особую процедуру принятия, внесения в него поправок и изменения. Данный нормативный акт осуществляет правовое регулирование основ социально-экономического строя, политической системы, определение конституционно-правового статуса личности, особенности федеративного устройства РФ, её формы правления и характеристики политического режима государства.

В ряде зарубежных государств в качестве синонима термина «фактическая конституция» применяется термин «социальная конституция», а вместо термина «юридическая конституция» используется понятие «формальная конституция». Так, например, в Северной Америке под «живой конституцией» понимают толкование Верховным судом статей Конституции США за более чем двухсотлетний период ее существования, с учётом новых жизненных реалий [11, с. 163].

Термин «конституция» в действующем Основном законе РФ в различных словосочетаниях встречается не менее 70 раз. Исследование различных интерпретаций данного термина позволяет определить его смысловую нагрузку [5, с. 43]. Конституция России способствует стабилизации государственного строя РФ, путем закрепления его основ в первой главе Основного закона, обладающей особой защитой и не подлежащей для внесения в неё поправок. Во второй главе Основного закона РФ, также являющейся «сверхжесткой», установлены границы полномочий высших органов государственной власти, посредством закрепления прав человека и гражданина, и корреспондирующих им обязанностей, призванных определить меру возможного и дозволенного поведения

личности, её взаимодействие с органами государства.

Сущность Конституции по-разному характеризуется представителями юридических школ, которые зачастую придерживаются полярных точек зрения. Представители концепции естественного права рассматривают конституцию в качестве своеобразного общественного договора. Сторонники нормативистской концепции – как основную норму, обладающую высшей силой. Институционалисты придают Основному закону комбинированный статус как государства, так и корпоративной организации общества в целом. Диалектическая концепция предлагает свою трактовку конституции – продукта борьбы антагонистических классов и придания её результатам юридической силы [11, с. 70]. Рассмотрим более детально, в чем состоит неоднозначность определения сущности конституции.

В соответствии с концепцией трактовки сущности конституции в качестве общественного договора предусматривается, что члены общества заключили договор, нашедший своё отражение в конституции, устанавливающей социально-экономические основы и политическую систему данного общества. В соответствии с данной концепцией Основной закон есть выражение суверенной консолидированной воли народа. С точки зрения теологической концепции сущность конституции выражена в воплощении божественной воли, содержащейся в различных религиозных текстах, данных человеческому обществу для того, чтобы воплотить на практике идеи высшей справедливости. Сторонники школы «естественного права» подчёркивают, что обычаи и традиции, сложившиеся в обществе, благодаря многовековому опыту и повторению последующими поколениями, сформировали сущность конституции.

Существуют и другие подходы к сущности конституции. Так, например, в государственном праве преобладают два подхода: классово-политический и рационалистический. С точки зрения классово-политиче-

ского подхода, конституция выражает соотношение сил в социуме, разделённом на классы. По мнению известного социалиста XIX в. Ф. Лассаля, «Конституция выступает реальным соотношением общественных сил государства» [8]. В подтверждение данного высказывания можно привести слова адепта классово-политического подхода В.И. Ленина: «Сущность конституции заключается в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и прочее... выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» [9]. На взгляд автора статьи, сложно не согласиться с тем, что в обществе присутствуют различные антагонистические социальные страты, классы или группы, которые вступают в противоборство друг с другом. Данная борьба может обостряться в связи с принятием или одобрением конституции, о чем можно судить как по отечественному историческому прошлому и настоящему, так и зарубежному опыту. На взгляд основоположников рационалистического подхода, конституция выполняет, прежде всего, роль нормативного документа, регулирующего различные виды общественных отношений, представляющих интерес для государства, а также закрепляющего правовой статус личности и государственной организации общества. Сторонники данного подхода акцентируют внимание на том, что конституция выступает в качестве Основного закона страны, обладающего высшей юридической силой и прямым действием для применения.

Автор статьи полагает, что при определении сущности конституции необходимо брать во внимание оба подхода. Так как неоспоримым фактом выступает то обстоятельство, что борьба различных противоборствующих социальных групп за власть выступает в качестве одного из базовых факторов, влияющих на появление новой конституции. Данный антагонизм можно назвать как «классовой борьбой», так и «борьбой различных социальных сил», в зависимости от идеологических предпочте-

ний исследователя. Однако неоспоримым выступает тот факт, что без вооруженного восстания или насильственных действий, то есть без борьбы различных идеологий, не могут обойтись даже стабильные и структурированные общества. Данная борьба может не только выступать в качестве борьбы социально имущих и неимущих классов, но это может быть противоборство граждан государства, принадлежащих к одному слою, по-разному видящих будущее государства и общества. Зачастую в обществе отсутствует ярко выраженное противостояние, а новый Основной закон необходим для перехода социума к новому этапу своего развития.

Конституция занимает особое место в политической системе страны, так как регулирует сложившиеся или складывающиеся общественные отношения, получающие формально-юридическое закрепление в Основном законе государства. Таким образом, конституция закрепляет общественно-политические основы жизнедеятельности граждан государства, становится обязательной для исполнения как для граждан, поддержавших принятие Основного закона, так и для тех, кто выступал против её принятия. На основании конституции создаются и начинают функционировать органы государственной власти, принимаются нормативные акты (федеральные конституционные законы), детализирующие и развивающие конституцию, характеризующие сложившийся в государстве политический режим [1, с. 169-170].

Исходя из вышесказанного, необходимо охарактеризовать и проанализировать базовые функции конституции. Так, функции Основного закона характеризуют его назначение в политической сфере жизнедеятельности граждан, в осуществлении целей и задач, стоящих перед государством. Независимо от вида социальной системы, любой конституции присущи такие функции, как: юридическая, идеологическая, учредительная, организаторская и внешнеполитическая [10, с. 112]. Появление и развитие учредительной функции конституции связывают с коренными преобразованиями в обще-

ственной жизни, которые выступают государственно-правовой основой его функционирования на последующих исторических этапах. Данная функция может проявляться как в отношении к политической системе общества, так и в отношении отдельно взятых государственных органов, государственных организаций и учреждений.

Организаторская функция конституции констатирует и юридически закрепляет уже достигнутые результаты, но и ставит перед обществом и государством новые задачи, активизирует политическое участие граждан, направляет различные органы государственной власти, политические партии и общественно-политические объединения и организации, граждан государства на социально активное правомерное поведение, направленное на соблюдение предписаний, содержащихся в конституции и иных законах. Появление нового Основного закона выступает в качестве не только стабилизирующего фактора, но и в качестве мобилизующего значения для органов государственной власти и различных институтов гражданского общества. Необходимо учитывать и тот факт, что конституция выступает как документ прямого действия для применения и использования, что нашло подтверждение в самом тексте Основного закона. Большинство общественных отношений возникают, изменяются и прекращаются, непосредственно опираясь на положения, содержащиеся в конституции, что также свидетельствует о её организаторской функции.

Содержание внешнеполитической функции Основного закона характеризуется направленностью не только к внутренней жизни страны, но и тем, что конституция выступает фундаментом деятельности государства на международной арене. Содержание юридической функции конституции можно определить в том, что она:

- выступает в качестве основы новой государственности и правовой системы, характеристики правопорядка в государстве;
- регулирует различные виды общественных отношений, служит основанием для их

возникновения, является базовым нормативным правовым актом, обладающим высшей юридической силой и прямым действием для применения;

- служит стимулом для развития законодательства и принятия новых нормативных юридических актов, воплощающих и реализующих на практике общие положения и отдельные статьи Основного закона.

Конституция РФ, равно как и конституции других демократических и правовых государств, выполняет все вышеперечисленные функции. Очень важным проявлением сущности Конституции Российской Федерации является закрепление конституционных гарантий прав и свобод и конституционных гарантий правосудия (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ). Гарантии прав и свобод человека и гражданина обеспечиваются механизмом государства, всеми органами государственной власти и государственными организациями. Государство предусматривает не только обеспечение и защиту прав и свобод, но и предусматривает для граждан возможность самозащиты своих прав и свобод способами, не запрещенными законом. В соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждому предоставляется право на судебную защиту своих прав и свобод, а также право обращаться с жалобой в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

Нарушение прав и свобод человека и гражданина сопровождается причинением вреда его жизни и здоровью. В этом случае конституционные гарантии состоят не только в восстановлении нарушенных или оспариваемых прав, но и в возмещении причиненного личности как материального, так и морального вреда. Право граждан на возмещение вреда государством в случае, если вред был причинен незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти либо должностными лицами, закреплён в ст. 53 Конституции РФ. Конституция РФ придает человеку уверенность в устойчивости своих прав и свобод, так как законодательные органы государства лишены права принимать закон, отменяю-

щий или умаляющий эти права и свободы (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ).

В нескольких статьях Конституция РФ закрепляет общепризнанные мировым сообществом гарантии, характеризующие принципы демократического правосудия, которые легли в основу уголовно-процессуального законодательства, исключающие произвол в судебном разбирательстве. Гарантии правосудия выступают в качестве гарантий прав и свобод человека и гражданина, что свидетельствует о необходимости их в Основном законе [6, с. 48]:

- 1) право на квалифицированную юридическую помощь;
- 2) гарантии подсудности;
- 3) презумпция невиновности;
- 4) невозможность повторного осуждения лица, отбывшего наказание;
- 5) незаконно полученные доказательства не могут рассматриваться в суде;
- 6) право на пересмотр приговора;
- 7) право на защиту потерпевших от преступлений и злоупотребления властей.

В ходе борьбы с организованной преступностью государство обладает правом ограничения или лишения свободы граждан государства, нарушающих действующее уголовное законодательство, с соблюдением демократической процедуры, установленной законом.

Сущность конституции как нормативного правового акта состоит в качествах, отмеченных выше в определении конституции: в её содержании, её высшей юридической силе, роли и места Основного закона, в качестве правовой основы действующего законодательства, в её стабильности, что связано с порядком её принятия, внесения в неё поправок и изменения, осуществляющегося в особом порядке, предусмотренном законом. Качества, характеризующие различные аспекты сущности конституции, принято называть её свойствами. К ним зачастую добавляют и ряд других свойств, таких, как: комплексный характер Основного закона, более высокая степень структурированности и обобщенности по сравнению с иными нор-

мативными правовыми актами и ряд других свойств. В ряде стран существуют отступления от вышеуказанных признаков.

Так, например, Конституция Швейцарии 1874 г., в ст. 25 закрепляет запрет резать скот и пускать кровь без предварительного оглушения животного. Данное правило, на взгляд автора статьи, далеко выходит за границы определения основ конституционного строя государства. Таким свойством, как стабильность, может похвастаться разве что Конституция США, которая действует более двухсот лет, всего лишь с двадцатью семью поправками. Тогда как конституции ряда стран Латинской Америки, Азии и Африки, подвергаются частому пересмотру и изменениям. Так, например, в результате военных переворотов в Таиланде сменилось более полутора десятка конституций, а в Венесуэле – около 30 [11, с. 30]. Конституция может выступать и в качестве идеологического документа, так как она отражает господствующую в обществе либо утверждённую аппаратом публичной власти общественно-политическую доктрину. Так, например, в Конституции Китая 1982 г. нашла отражение идеология марксизма-ленинизма и идеи лидера государства – Мао Цзэдуна. Ценности ислама выражены в Конституции Алжира 1996 г., идеология мобутизма – в Конституции Заира 1980 г. [5, с. 187].

При определении термина «конституция» необходимо учитывать различные аспекты. Например, в случае возникновения спора о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ Основной закон выступает в качестве гарантии политического единства населения страны, а так же как гарантия прав и интересов субъектов РФ, характеризующая федеративное устройство государства. Однако в случае конфликта между государством и личностью преобладает гарантийная функция Конституции, которая выступает в качестве правовой формы урегулирования взаимоотношений личности и государства, как «равноправных партнеров» в общественном

договоре, способов ограничения пределов государственной власти.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в современном государствоведении конституцию рассматривают не только как юридический, но и как идеологический и политический документ. Ряд авторов рассматривают сущность конституции как баланс базовых общественных интересов. Также сущность конституции можно исследовать в аспекте политического плюрализма и социального единства [7, с. 87].

Об общедемократической сущности конституции свидетельствует тот факт, что она была принята всенародным голосованием большинством избирателей [12]. Российская Конституция, равно как и другие конституции новейшего времени, характеризует различные аспекты функционирования гражданского общества [3, с. 61]. В Основном законе закрепляется конституционно-правовой статус человека и гражданина, взаимоотношения институтов гражданского общества и государства, защита всех форм собственности, закреплены положения о светском и социальном характере государства. В Конституции РФ закрепляется политическое многообразие, многопартийность, констатируется невозможность установления какой-либо идеологии в качестве государственной.

Основной закон РФ по своей сущности является выражением воли многонационального народа РФ, который выражает свою волю через выборы и референдумы (формы «прямой демократии»), а также через выборные органы государственной власти и местного самоуправления (представительская демократия). Гражданам государства предоставляется право свободно выражать и отстаивать своё мнение и взгляды, гарантируется идеологическое и политическое многообразие. Структура и содержание Конституции РФ соответствует традиционным конституциям современных передовых правовых и демократических государств, она призвана обеспечить координацию деятель-

ности трёх ветвей государственной власти в государстве, установить приоритеты развития общества и государства, исходя из специфики сформировавшихся политико-правовых реалий и традиций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов А.В. 12 лекций по политологии: учеб. пособие для бакалавров. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 260 с.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / 5-е изд. – М.: РЮИД, 2011. – 120 с.
3. Алексеев Р.А. Гражданское общество. Проблемы становления и развития в России (правовой аспект). – М.: МГОУ, 2013. – 96 с.
4. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями и дополнениями №6-ФКЗ и №7-ФКЗ от 31 декабря 2008г.) // Российская газ. – 2009. – 21 янв.
5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / под ред. Б.А. Страшун, 3-е изд. обновл. и дораб. – М.: БЕК, 2006. – 765 с.
6. Конституционное право России: учебно-методическое пособие / под ред. А.В. Малько. – М.: Норма, 2012. – 300 с.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Карповича. – М.: Юрайт-М, 2013. – 152 с.
8. Лассаль Ф. О сущности конституции: речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году // Конституционное право: общая часть. Ч. II: хрестоматия / 2-е изд., под ред. Н.А. Богданова. – М.: Юридж. колледж МГУ, 1996. – С. 44-48.
9. Ленин В.И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полн. собр. соч.: Т.17. – М.: Политиздат. – [1958-1975]. – С. 339-353.
10. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. – М.: Юрист, 1998. – 243 с.
11. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник / 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2012. – 608 с.
12. Федорченко С.Н., Рыбина М.В. Электоральные технологии политического менеджмента // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. – 2012. – № 2 (14), Т.3. – С. 267-274.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК: 34.028.5

Гольшев В.Г.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ СЕКТОР В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ*

V. Golyshev

Moscow State Regional University

TOWARDS THE PECULIARITIES OF STATE - LEGAL IMPACT ON BUSINESS SECTOR IN RUSSIA IN THE 19TH CENTURY

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы взаимоотношения предпринимательского сектора экономики России и российских властей. Отдельные аспекты государственно-правового регулирования этого сегмента хозяйственной жизни страны были обусловлены не столько общеевропейскими правилами эволюции национального хозяйства, сколько характерными для России традициями и ментальностью, историческими парадигмами и мнением отдельных социальных слоев. Отмечены отдельные особенности развития частного предпринимательства России во второй половине XIX столетия. Обоснован вывод о том, что постепенный отказ государства от своих «предпринимательских активов» даже в отдаленных от центра страны регионах был лишь вопросом времени.

Ключевые слова: Россия, вторая половина XIX столетия, предпринимательство, власть, государственно-правовое регулирование, частный сектор экономики.

Abstract. The article examines the relationship between the business sector of the Russian economy and the Russian authorities. Certain aspects of the state-legal regulation of this segment of the country's economy were mainly determined not by European rules of the evolution of the national economy but by Russian mentality and traditions, historical paradigms and the views of certain social strata. The study highlights some characteristics of the development of private enterprising in the late 19th century Russia. The conclusion is made that the state officials' gradual renouncing their "business assets" even in the distant regions of the country was only a matter of time.

Key words: Russia, the second half of the 19th century, business, government, state- legal regulation of the private sector.

© Гольшев В.Г., 2013.

* Статья подготовлена с использованием СПС КонсультантПлюс.

Государственно-правовое регулирование предпринимательства являлось важнейшим фактором развития российской экономики во второй половине XIX в., поскольку регламентация торгово-промышленной деятельности изначально обуславливалась социокультурной спецификой (ставка на патернализм) общества [12, с. 19], хозяйственными и социальными традициями самодержавного государства, ментальностью российских подданных. Это было особенно заметно, когда Российская империя достигала пика своего развития [1, с. 115, 118, 120] во второй половины XIX в. Здесь, видимо, сказался целый комплекс факторов: и проведение императором Александром II реформ, охвативших почти все социально-экономические сферы жизни страны, и достаточно стабильная внешнеэкономическая обстановка, и стремление самого общества к достижению определенных результатов в своем социальном и хозяйственном развитии. Все это способствовало определенному прорыву в развитии национальной экономики, но процесс этот развивался не прямолинейно, а в столкновении с многочисленными проблемами, которые приходилось, прежде всего, решать при выстраивании линии взаимоотношений власти и частно-предпринимательских кругов.

В чем же заключались характерные особенности развития предпринимательства и его взаимоотношения с властью в этот (вторая половина XIX в.) период? Эволюция предпринимательства как особой формы экономической деятельности в России второй половины XIX столетия была обусловлена оторванностью деловых кругов от западноевропейских торгово-промышленных центров, слабостью средств связи и коммуникаций, огромными территориями Российской империи, неосвоенностью ряда ее регионов, недостатком профессионального образования коммерсантов (что, правда, с лихвой покрывалось природной смекалкой и сообразительностью большинства представителей российского предпринимательства) [10, с. 14, 17, 22]. Добавим к этому и то,

что неравномерное заселение Российской империи усиливало сложности в развитии предпринимательства, вынуждая власти и в центре, и на местах усиливать контроль над экономикой (страны и отдельно взятых регионов, хозяйство которых рассматривалось как стратегическое звено национальных интересов государства) [13, с. 22].

Важно также отметить и иные особенности развития частного предпринимательства России во второй половине XIX столетия. Во-первых, основным представителем предпринимательского сегмента российской экономики в течение длительного времени были не только частные предприниматели, но и само государство. Оно выступало, бесспорно, самостоятельным субъектом хозяйственных отношений и пользовалось определенными преимуществами по сравнению с частными лицами, поскольку само разрабатывало правила регламентации деятельности и могло оговорить значительные привилегии для собственного существования и деятельности. Во-вторых, преобладающей сферой предпринимательской деятельности в России выступало (и выступает до сих пор) посредничество, а не производство промышленной или сельскохозяйственной продукции. Это, конечно, можно объяснить огромными территориями, доставку грузов по которым и полное удовлетворение регионов в тех или иных товарах возможно было осуществлять продуктивно только под ответственность отдельных лиц (а не аморфного чиновничьего аппарата), а также – не лучшим знанием особенностей спроса и предложений населения. В-третьих, государственный сектор в экономике того или иного региона Российской империи оставался значительным даже на всем протяжении XIX в. А ряд важнейших отраслей был (особенно в восточных и юго-восточных районах страны) фактически монополизирован властями (объяснявшими данную ситуацию стратегическими интересами страны), что лишало частных предпринимателей возможности расширять свою деятельность [2, с. 64].

Как следствие – в России существова-

ли и действовали иные социально-экономические, правовые и культурные условия формирования предпринимательства, чем в Западной Европе, иные правила государственно-правовой регламентации коммерции. В России данного периода предпринимательство развивается по своим, особенным законам. И это неудивительно, так как и отношение к власти, и взаимоотношения государства и общества, и ментальность обывателя, и сама история страны диктовали те правила, которые обеспечивали бы предпринимательству оптимальные правила существования. Это было наиболее важным элементом всей хозяйственной деятельности. Специфические условия российского предпринимательства влияли и на формирование слоя коммерсантов. Получение статуса последнего ничем не ограничивалось, и в результате их социальный состав выглядел довольно удивительно и порой необъяснимо с логической точки зрения. Социальное положение предпринимателей не отличалось стабильностью, все находилось в зависимости от проведенной торговой операции, от ситуации, сложившейся не столько на рынке, сколько – в обществе, окружающем предпринимателей, в уровне взаимоотношений купцов с властями. Характерной особенностью развития предпринимательского сектора, коммерческих операций оставалась слабая преемственность капиталов. Это было следствием общей неустойчивости российского предпринимательства, узости рынка, неразвитости кредита, наличием различных ограничений и регламентацией, сковывавших инициативу и предприимчивость коммерсантов [3, с. 59]. Подобного мы не обнаружим, например, анализируя западноевропейское предпринимательство и его связь с местными административными ресурсами и управлением. И это очень важно для понимания особенностей развития деловых кругов различных западноевропейских стран в сравнении с Российской империей.

Существенные изменения в социально-экономической жизни России во второй половине XIX в. (Великие реформы 1860-х –

1870-х гг.) не могли не найти отражения и в вопросах государственно-правовых взаимоотношений властей и предпринимательства. Но процесс этот носил противоречивый характер: ощущалась заметная либерализация экономической политики властей, но, с другой стороны, практически во всех законодательных актах акцентировалось внимание исключительно на фискальных интересах государства [4, с. 4, 7-9]. И это не случайно. Государственная политика в области предпринимательской деятельности осуществлялась в условиях все еще складывающегося гражданского общества, и этот процесс находился в постоянном движении. Даже во второй половине XIX столетия.

Одним из направлений по нормативному регулированию частной предпринимательской деятельности было определение правового статуса такого лица [14, с. 20]. Статусное право заниматься предпринимательством получили и мещане, и крестьяне, а поскольку предпринимателю предоставлялись различные льготы в торгово-промышленной сфере, то выходцы из низших сословий могли бы составить серьезную конкуренцию купечеству. На практике ни мещане, ни тем более крестьяне в массе не обладали достаточными финансами и профессиональной подготовкой для ведения серьезных коммерческих операций [5, с. 87]. Такое положение не могло не сказываться на социальной стабильности общества [11, с. 19].

Развитие российского предпринимательства, как социального явления, осуществлялось на свой страх и риск, под личную ответственность, было направленно исключительно на извлечение дивидендов. Но во второй половине XIX в. темпы роста предпринимательства несколько замедлились, упор был сделан на развитие «вширь» (совершенствовались уже существующие параметры). Тем не менее опыт частного предпринимательства содействовал выработке новых законодательных актов во второй половине XIX в., регламентирующих коммерческую деятельность. Со второй половины XIX в. все большую роль играет поддержка

и даже прямое насаждение правительством промышленного производства, развивавшегося как в форме частного, так и государственного предпринимательства. Правительственная поддержка проявлялась в отводе под промышленные предприятия земель и лесов, выдачи кредитов, освобождении промышленников от казенных и общественных служб, предоставлении льгот по уплате налоговых и акцизных сборов. Зачастую привилегии, предоставляемые предпринимателям, облекались в форму монополии [8, с. 19-20]. Тем не менее политика правительства, направленная на стимулирование развития предпринимательства, не всегда предполагала поощрение частного предпринимательства.

Для второй половины XIX столетия характерным является предоставление монополии дворянам в некоторых секторах промышленного производства, а также в сохранении за владельцами земельных латифундий преимущественного права на разработку ее недр. Таким образом, государственно-правовое регулирование было подкреплено обращением к традиционным основам эволюции российского общества (роль и значение отдельных социальных слоев и их особые привилегии) [6, с. 14]. Скорее всего, поэтому столь велик был процент предпринимателей, вышедших из старообрядческой среды. Им удавалось совмещать правила предпринимательской деятельности и соблюдение традиций, свойственных и своей социальной среде, и истории страны в целом.

Становление и функционирование предпринимательства в Российской империи характеризовалась замедленными по сравнению с Западной Европой темпами развития, меньшими объемами деятельности и вкладываемого капитала. Крайне важным для Российской империи и российского предпринимательства был фактор огромных территорий: в силу слабого развития путей сообщения как между регионами, так и между центром и окраинами страны затруднялось и замедлялось развитие всей национальной экономики и ее отдельных секторов. С

особенно значительными ограничениями, сковывавшими предпринимательскую инициативу, деловые круги столкнулись в восточных регионах Российской империи, где в рамках сложившейся управленческой системы местные власти стремились к монополизации всей хозяйственной деятельности, поскольку считали, что эти регионы -- объект хозяйственной деятельности исключительно государства. И это закономерно, поскольку восточные районы России представляли собой во многом базу минерального сырья для развития различных отраслей промышленности, в том числе сырья стратегического (например, уголь, руда, золото, платина, и другое) [9, с. 28, 30], обеспечивающего безопасность государства.

Складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, государство не спешило выпускать из собственных рук разработку стратегически важного сырья, но, с другой, -- ощущало и нехватку средств для расширения производств, и недостаток кадров из среды талантливых управленцев-хозяйственников. А потому отказ государства (правда, постепенный) от своих «активов» даже в этом сегменте экономики, даже в отдаленных от центра регионах был лишь вопросом времени. Однако в ряде (как правило -- восточных) регионов Российской империи были зафиксированы случаи очень серьезного отклонения от проводившейся в государстве политики содействия властей частному предпринимательству. Это было заметно в первую очередь в тех случаях, когда меры по либерализации экономической деятельности противоречили интересам местных властей. Все это приводило к вытеснению частнопредпринимательского капитала и переходу под полный государственный контроль целого ряда отраслей экономики, исключение из свободного рыночного обращения значительных денежных средств [7, с. 20]. Инициатива местных властей реально затягивала становление и развитие частнопредпринимательского сектора экономики.

Тем не менее, в связи с наметившимся кризисом государственного сектора эко-

номики, с поиском новых путей стимулирования частного предпринимательства происходило постепенное расширение правового поля, в котором действовали российские коммерсанты. Уже к началу XX столетия стало понятно, что частное предпринимательство способно заменить государство во многих сегментах производства продукции, сервиса и равномерного наполнения рынка необходимыми товарами. Последнее было особенно важно, учитывая огромные территории Российской империи, что сказывалось на возможности появления такого явления, как дефицит. И недопущение последнего тоже оказывалось возможным, если за дело брался частный предприниматель, а не государственный чиновник. Конечно, в России в силу специфического исторического развития ментальности народа, а также тяги к идеям общинности, порождались проблемные ситуации, сдерживающие развитие предпринимательства. Но деловые круги империи с честью выходили из любых проблем, создавая и поддерживая свой авторитет не только у себя в стране, но и за рубежом, расширяя сферу своего присутствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). [Т. 1] От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. Бойко В.П. Теоретические аспекты истории предпринимательства // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (философия, культурология, история). – 2002. – Вып. 4 (№ 32). – С. 61-65.
3. Голикова Н.Б. К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII первой четверти XVIII в. // Русский город (проблемы городообразования). Вып. 3. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 57-65.
4. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистике. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1893. – 876 с.
5. Копцева И.В. Купец в представлениях русского народа // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (г.Тобольск, 25-27 ноября 1997 г.). – Тобольск: ТГПИ, 1997. – С. 80-99.
6. Котов Н.В. Государственное регулирование акционерного предпринимательства в России в XIX-XX вв.: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2001. – 25 с.
7. Сметанин С.И. История промышленного предпринимательства в России: мануфактурный период предпринимательства. – М.: РЭА им. Г.В.Плеханова, 1995. – 39 с.
8. Старцев А.В. История российского предпринимательства: проблемы теории и методологии // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3. – Барнаул: АГУ, 2001. – С. 15-21.
9. Традиции и опыт российского предпринимательства: история и современность. – Волгоград: ВолгГУ, 1997. – 190 с.
10. Тюстин А.В. Во благо Отечества: из истории предпринимательства Пензенской губернии. – М.: Дарин, 2004. – 528 с.
11. Фотина О.Э. Государственное регулирование и саморегулирование в развитии предпринимательства в России: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002. – 153 с.
12. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. – М.: Приор, 1998. – 495 с.
13. Чермянина В.В. Государственное регулирование институциональной среды в системе факторов самоорганизации предпринимательской деятельности в России: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – 152 с.
14. Щербич С.Н. История предпринимательства в России. – Тюмень: ТГУ, 2008. – 100 с.

УДК 2–740

Козьякова Н.С.

Московский государственный областной университет

ПРОЦЕСС ВЫБОРНОЙ ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ В ТОРЕ, НОВОМ ЗАВЕТЕ И КОРАНЕ

N. Kozyakova

Moscow State Regional University

THE PROCESS OF ELECTIVE DELEGATION OF POWER IN THE TORAH, THE NEW TESTAMENT AND THE KORAN

Аннотация. В статье основное внимание уделено сравнительному анализу высказываний в Торе, Новом Завете и Коране по таким вопросам, как передача судебных и законодательных функций от Бога к человеку, формирование правосознания и законопослушания, а также мировоззренческих и правовых основ существования людей. Комплекс данных вопросов можно охарактеризовать как выборную передачу власти, которая исторически стала первичной организацией политической власти в ходе генезиса человеческой цивилизации.

Ключевые слова: Тора, Новый Завет, Коран, закон, выборная власть, судебная власть, правовая система.

Abstract. The article focuses on the comparative analysis of the ways of law and the power transfer in the Torah, the New Testament and the Koran. The author addresses such issues as transfer of judicial and legislative functions from God to man, the process of forming people's sense of justice and obedience to law as well as their ideological and legal bases of existence. The aggregate of these issues may be considered as elective delegation of power which became the first organization of political power in the genesis of human civilization.

Key words: the Torah, the New testament, the Koran, law, elective power, judicial power, legal system.

Компаративистский анализ Торы, всех четырех Евангелий и Корана убеждает, что главное отличие единобожия, которое является духовной основой иудаизма, христианства и ислама, от буддизма и иных не мировых религий состоит в том, что оно вкладывает в сознание людей понятие закона и структурирует правосознание. Тора носит название Закона Моисея, вероучение Иисуса Христа в христианстве называется законом Божиим, главной частью Корана называется шариат (судебник). По мнению С.С. Оганесяна и О.А. Фарре-Трензелевой, в Торе, Новом Завете и Коране можно увидеть трансформацию сознания людей в течение нескольких тысяч лет, а также изучить методологию, при помощи которой право привносилось в жизнь народов. Только единобожие обеспечило переход от исполнения законов, данных Богом, к разработке людьми корпуса правовых норм своей жизни, а также к возникновению институтов законотворчества. Право также стало фундаментом для дальнейшего осмысления мира и современного научно-технического прогресса [4, с. 28].

Тора требовала от избранного народа безоговорочного подчинения всем ниспосланным нормам и правилам и предписывала истреблять всех, кто отвернулся от Бога или не верует в Него. Иисус запрещает уничтожать не только язычников, но и духовно «погибший» избранный народ, отвернувшийся от исполнения законов Торы. Он просит Бога не карать своих соплеменников, а простить их, так как они по неведению приговорили Его

к крестной смерти. Коран проявляет большую терпимость, чем Тора и Евангелие не только к язычникам, а также к тем, кто не захотел принимать единобожие или, приняв его, затем вернулся к язычеству. Коран сообщает о возмездии всем «неверным», которое наступит только от Бога. Человек не должен нарушать ниспосланный закон на той территории, которая живет по законам, данным Единым Богом. Чем же является процесс выборной передачи власти? Если мы обратимся к словарю, то увидим, что выборная власть (*electoral power/office*) это лица и органы части, прошедшие процедуру отбора и последующего избрания [7, с.125].

В среде израильского народа постепенно стало формироваться сословие, которое выполняло судебские функции. Это были, в первую очередь, священнослужители, которые одновременно назывались «законниками». В дальнейшем Бог передал через пророка Малахию священникам специальную заповедь о том, как им необходимо будет выглядеть в глазах народа и осуществлять судебские полномочия. Сыны Израиля «закона ищут от уст» священника потому, что священник – «вестник Господа Саваофа». Следовательно, «уста священника должны хранить ведение» и священник обязан быть таким же беспристрастным, как Бог, который дал ему право судейства [5, Малахи 2 (7)].

Судебная власть искала подтверждений своей легитимности и права толковать Писание и устанавливать законы. Из стихов Пятикнижия выбираются такие, которые могут быть истолкованы в соответствии с потребностями мудрецов: «И придешь ты к священникам, левитам и к судье, которые будут в те дни. И спроси их, и они скажут тебе, как рассудить» [5, Дварим., Шофтим 17 (9)]. Из данных строк книги Второзакония можно сделать вывод, что толкователям нелегко пользоваться этой властью: они ощущают ответственность перед канонизированным ими же самими прошлым, которое подавляет их своим неоспоримым величием. «Не говори: «отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости ты

спрашиваешь об этом» [5, Ктувим, Кохелет, 7(10)]. В этих непростых отношениях талмудистов с канонизированным ими Писанием складывается своеобразная роль традиционной еврейской литературы, которую она сохранит и в другие времена – роль высшей религиозной инстанции, лишенной внятного голоса, но обладающей реальной властью, подобной власти коллективного бессознательного на коллективную совесть иудаизма.

В Новом Завете мы также можем увидеть, что Иисус Христос продолжил дело по постепенной передаче судебных и законодательных функций от Бога к человеку, которое начали пророк и законодатель Моисей и основатель объединенного Израильского царства Саул. Перед Своим вознесением к Отцу Небесному Иисус говорил апостолам и ученикам, что они должны идти по миру и проповедовать Евангелие, а не «Закон Моисеев». Также Иисус поручил передать всем, что Создатель всего сущего не забыл «сынов человеческих» и ради их спасения для вечной жизни на небесах отдал «Сына Своего Единородного» на распятие на кресте [1, Мф., 16:15, Иоанна 3:16].

Необходимо также отметить такой момент, как связь с очередным при общении людей к самостоятельному законотворчеству. При напутствии Своих последователей о передаче язычникам Евангелия не только последовал примеру Моисея, который в свое время с разрешения Бога передал часть судебных функций своим соотечественникам, но пошел дальше. Он предоставил язычникам возможность самостоятельно разрабатывать законы своей жизнедеятельности, основываясь на тех идеологических принципах, о которых Он говорил в Новом Завете и которые базировались на фундаментальных мировоззренческих основах Торы. Ярким свидетельством мировоззренческих установок, переданных человечеству Иисусом, является Нагорная проповедь, приведенная евангелистом Матфеем, которая стала идеологическим фундаментом законодательных систем государств, принявших христианство [1, Мф. 5-7].

Таким образом, можно сказать, что Иисус пришел не столько как законодатель для израильского народа, но как Спаситель человечества, сформировавший иные законы для всего человечества и направивший людей по пути, на который указывал Бог. Продолжая дело своих предшественников, Он, с одной стороны, оставил неизблемыми мировоззренческие основы единобожия, а с другой – дал возможность языческим народам с учетом своей самобытности самостоятельно разрабатывать законы своего существования на основе предложенного корпуса нравственных норм.

Иисус Христос учил, что «следует отдавать кесарево кесарю (т.е. то, что полагается и требуется государственной властью), а Божие Богу» [1, Лк., 20:25]. Следовательно, если мы обратимся к государственному закону, то и в данном случае христианин должен был быть слугой закона, но исключительно в ключе своих религиозных взглядов. Фундамент базовой части правосознания является обоснованием практически всей системы светской власти в Новом Завете, а также такого способа, с помощью которого эта система осуществляется. И в дальнейшем мы видим, что соблюдение требований светской власти происходит не из-за внешнего давления, а путем любви – «надобно повиноваться не из страха наказания, но по совести» [1, Рим. 13:5]. Этот вопрос, предложенный Христу, нельзя рассматривать вне исторического контекста того времени.

Как известно, в тот период в Иудее имели власть язычники-римляне. Естественно, что израильтяне данную власть считали злом, которое необходимо было уничтожить. Большое возмущение вызывали налоги, которые собирались в пользу язычников, что входило в противоречие с теократической идеей Израиля. В связи с этим и многими другими подобными явлениями происходили волнения, во главе которых стоял Иуда Галилеянин. Имущественный налог стал причиной этого восстания, так как его считали признаком рабства. В Иудее подобное правило начало действовать с 63-го года до Рождества Хри-

стова, в 6-м году от Рождества Христова данный вопрос стал очень злободневным. В вопросе Христу о том, следует ли платить кесарю (в то время это был Тиверий), фарисеи желали увидеть Христа в безвыходной ситуации. Если Христос скажет, что налог обязателен, то, таким образом, против Него будет народ, который в своем большинстве считал налог неприемлемым. А если же Христос откажется от налога, то, таким образом, Он покажет, что выступает против римской власти. Одно не мешает другому, говорит Блаженный Феофилакт: «...обязанность платить дань кесарю нисколько не препятствует вам в деле богопочитания, ибо можете и кесарю отдавать, что следует, и Богу воздавать должное» [2, с. 334].

«Отдавая Богу то, что было Божие, являлось путем к настоящей свободе, даже под власть римлян» [8, с. 118]. По мнению Н. Дью, это путь к настоящей свободе. В этом случае можно быть свободным человеком, даже если находишься в плену. Такое понимание возможно только в христианской экзегетике. Если мы обратимся к Блаженному Феофилакту Болгарскому, то увидим, что в его толковании на Евангелие от Луки описано, почему мы должны так делать и почему так делал Господь: «Государь твой хранит тебя от неприятелей, жизнь твою делает мирной, за это ты обязан ему податью. И иначе: то самое, что ты вносишь, то есть монету, ты имеешь от него же самого. Итак, монету царскую ему (царю) и возврати опять. Между тем ты и для себя извлек из нее выгоду, разменивая ее и добывая необходимое для жизни» [6, с. 599].

В данном примере речь идет о том, что каждый живущий в государстве пользуется «кредитными средствами» у него для жизни, следовательно, этот долг должен быть «погашен». Естественно, что те, кто берут деньги взаймы, должны их вернуть. И если мы не получаем от государства денег, то и отдавать их нет необходимости. Конечно же, такая ситуация – абстрактная, но возможная и Евангелие ее оправдывает. Епископ Кассиан (Безобразов) считал, что в словах Господа содержится «признание долга по отношению

к государству и, ещё больше, отчуждённость от государства» [2, с. 12].

Сегодня не только светские государства с помощью парламентских и иных светских структур регулируют свою правовую систему. Острые вопросы современности затрагивают также религиозные государства. С помощью специальных органов они толкуют и трактуют различные нормы каноны канонического права, которые не могли быть отражены в священных книгах, и внедряют их в повседневную жизнь своих граждан.

Среди исследователей Торы и Евангелия существуют различные мнения по поводу «авторства» людей, которым они приписываются, и по времени появления на свет различных частей этих Писаний. Но Коран – священная книга мусульман, дошел до нас в своем первоначальном виде, и нормы права, которые в нем прописаны, функционируют в некоторых государствах с момента их появления, т.е. с начала седьмого века н.э. Необходимо принимать, конечно же, темпоральные коррективы правовых систем тех стран, которые в качестве законодательного фундамента приняли Коран и считают себя принадлежащими к исламскому миру. Следовательно, «исламский мир» не менее разнообразен, чем «мир христианский», как в правовой реализации идей своего «устава веры», так и в практике его применения.

Главным и самым важным принципом, который должен быть усвоен всеми людьми, исповедующими единобожие, согласно Корану, является соблюдение «строгого порядка», установленного Всевышним на земле, включая порядок, отраженный в законах, регулирующих жизнь людей. Исполнению закона Коран придает такое же принципиальное значение, как Тора и Новый Завет. В Коране сказано, что беззаконие – это непростительное зло. Бог спасает для вечной жизни только таких людей, которые соблюдают законы, данные Им. К тем же людям, кто не понимает значение законов и не исполняет их, Бог безжалостен и беспощаден и «подвергает тяжкой каре» [3, сура Аль-Араф, аят 165]. Как и Евангелие, Коран также утверж-

дает, что часть установлений, законов и заповедей Бога со временем утрачивают свою силу и их необходимо заменять на такие, которые соответствуют времени [3, сура аль-Маида, аят 5:48]. Это также должен делать человек, так как Всевышний поставил человека Своим «наместником» на земле; «обучил названиям всего, что суще», «дал человеку перо и научил письму, а также обучил тому, что он не знал», а также разумной речи научил его [3, сура Аль-Аляк, аяты 1-5].

Как известно, ислам объединил религиозно-политические представления иудаизма и христианства. Он также обосновал идею теократии и превосходства духовной власти над светской и идею верховенства церкви. Теократизм является главной чертой политических идей изложенных в Коране – первоначальном источнике ислама. Аллах – единый Бог и его посланник, управляющий людьми по божественной воле, определяют (по Корану) задачи и положение власти в обществе. В доказательство этого Коран обращается к верующим с требованием: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» [3, сура Ниса, аят 59]. Коран обосновывает необходимость общественного и политического неравенства, объясняя это «божественным предопределением» [3, сура Ас Сажда, аят 32:5]. Рассматривая соотношение властвующих и подвластных, Коран отмечает, что божество возвышает «одних степенями над другими, чтобы одни из них брали других в услужение» [3, сура аз-Зухруф, аяты 31-40].

В заключение можно сделать вывод, что во времена Торы, Нового Завета и Корана особенно актуальным было внедрение в сознание и быт людей понятие закона, существующего вне зависимости от личных устремлений и желаний конкретных личностей, и принуждение человека к законопослушанию. Это, прежде всего, было важно для перспектив развития человечества, связанного с его переходом к таким социально-экономическим общностям, которые требовали не только централизации власти, но и безусловного подчинения единым за-

конам вне зависимости от национального происхождения граждан страны, их места в социальной иерархии, имущественного положения, возраста, пола и религиозной принадлежности. А выборная передача власти (полностью мы можем проследить данный процесс на примере Авраама в книге Бытия Ветхого Завета) стала исторически первой организацией политической власти, которая появилась в период генезиса человеческой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. – М.: Русское библейское общество, 2005. – 1312 с.
2. Кассиан (Безобразов), епископ. Царство кесаря перед судом Нового Завета. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2001. – 56 с.
3. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – М.: Рипол Классик, 2007. – 800 с.
4. Оганесян С.С., Фарре-Трензелева О.А. Тора, Новый Завет и Коран – закон, правопорядок и законопослушание: способы формирования правосознания и передачи законодательных функций от Бога к человеку. – М.: Гуманитарий, 2011. – 552 с.
5. Тора. – Иерусалим: Шамир, 2005. – 480 с.
6. Феофилакт Болгарский, блаженный. Благовестник. Книга первая. – М.: Сретенский монастырь, 2002. – 656 с.
7. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба: словарь. – М.: Луч, 1996. – 271 с.
8. Due N. The Gospel According to Luke. – Blackwood, South Australia: New Creation Pub. Inc., 1992. – 157 p.

РАЗДЕЛ II. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.2/.7

*Арямов А.А., Шарафутдинов Е.А.
Российская академия правосудия (г. Москва)*

МЕХАНИЗМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕДР ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЯДА ГОСУДАРСТВ

*A. Aryamov, E. Sharafutdinov
Russian Academy of Justice (Moscow)*

THE MECHANISM OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF NATURAL RESOURCES UNDER SOME LEGISLATIONS

Аннотация. На основе анализа уголовного законодательства ряда государств авторы установили закономерности и типовые подходы в конструировании законодателями механизма уголовно-правовой охраны отношений недропользования от преступных посягательств. Выявлены основные критерии, характеризующие специфику установления уголовной ответственности за посягательства на недра в различных государствах. Подходы зарубежного законодателя к конструированию механизма уголовно-правовой охраны недр систематизированы на основании выявленных критериев. Определено место отечественного уголовного закона в этой системе. Охарактеризованы перспективы развития российского уголовного права в сфере обеспечения безопасности отношений по использованию недр.

Ключевые слова: международное уголовное право, зарубежное уголовное законодательство, охрана недропользования.

Abstract. Based on the analysis of criminal legislation of a number of foreign states, the authors revealed some regularities and standard approaches in the design of the mechanism of criminal law protection of subsoil use from criminal invasions. The basic criteria have been pointed out for characterizing the specificity of establishing the liability for the infringement of subsoil legislation in different countries. On the basis of the revealed criteria the authors built a system of approaches to the design of the mechanism of criminal law protection of mineral resources, identified the place of Russian Criminal Law in this system and showed its prospects.

Key words: international criminal law, foreign criminal law, protection of subsoil use.

Нормы многообразных правовых актов (прежде всего уголовных кодексов) различных государств, посвященные охране отношений недропользования, условно можно подразделить для удобства анализа на четыре группы.

© Арямов А.А., Шарафутдинов Е.А., 2013.

1. *Нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере недропользования, закрепленные в разделах уголовного закона, посвященных охране отношений в сфере природопользования (экологии), но сконструированные по аналогии с нормами, предусматривающими ответственность за экономические преступления.*

Наиболее наглядным примером может служить анализ уголовного законодательства самого интенсивно экономически развивающегося в настоящее время государства – Китайской Народной Республики (КНР). Развивающаяся экономика Китая в существенной мере основана на экстенсивной эксплуатации недр, что в определенной степени сближает ее с отечественной экономикой. Кроме того, действующее уголовное право КНР до сих пор испытывает серьезное влияние мировоззренческой и правовой базы, унаследованной от коммунистической державы эпохи Мао Дзэдуна, которая, в свою очередь, основывалась на юридических традициях СССР. Данные факторы сближают законодателей двух стран (РФ и КНР) в процессе определения уголовной ответственности за правонарушения в сфере недропользования.

Ответственность за преступления в сфере недропользования по уголовному законодательству КНР предусмотрена в главе 6 «Преступления в сфере охраны окружающей среды (ст. 343 Уголовного кодекса КНР). В соответствии с данной нормой уголовной ответственности подлежит «самовольная разработка недр, самовольное ведение работ в рудных бассейнах, включенных в государственный план, имеющих важнейшее значение для народной экономики, или в рудных бассейнах, находящихся в ведении третьих лиц, самовольная разработка месторождений, в отношении которых государством установлен особый щадящий режим разработки, продолжение горнодобывающих работ после получения приказа об их прекращении, разработка недр без получения лицензии, нанесение ущерба природным материальным ресурсам» [11, с.228-229].

Как можно наблюдать, при решении вопроса об установлении уголовной ответственности за преступления в сфере недропользования китайский законодатель отошел от традиции конструирования диспозиции уголовно правовой нормы как бланкетной. Эффект бланкетности носит скрытый характер. Кроме того, законодатель в данном случае использовал казуистический метод описания состава преступления. Суть которого (состава) сводится к самовольной (без соответствующей лицензии или вопреки запрету) экономической деятельности. Охране подлежат преимущественно экономические интересы государства в сфере разработки полезных ископаемых (минеральных ресурсов). Состав описан как материальный, предусмотрен такой обязательный признак, как причинение ущерба минеральным ресурсам (т.е. неким запасам материальных активов). По данной схеме в большинстве стран мира конструируются составы экономических преступлений. Следует также отметить, что за совершение указанного преступления в соответствии со ст. 346 УК КНР предусмотрена ответственность не только физических, но и юридических лиц, что также характерно для установления уголовной ответственности за преступления в сфере экономики. Таким образом, можно констатировать, что исследуемая норма «территориально» еще относится к разделу уголовного закона «преступлениям в сфере экологии», но содержательно уже более соответствует разделу экономические преступления.

2. *Нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за совершение преступлений в сфере недропользования, закрепленные в разделе нормативных правовых актов, посвященных борьбе с имущественными (экономическими) преступлениями.*

Высокий уровень развития отраслей горнодобывающей промышленности и их видное значение в экономике характерны для Австралии. В соответствии со статутным и прецедентным правом этого государства преступления в сфере добычи минеральных ресурсов являются разновидностью

преступлений против собственности. Так, в соответствии со ст. 131.4 УК Австралии присвоение объектов, неразрывно связанных с землей, (а к таковым и относятся недра) является квалифицированным видом кражи. Такая кража может осуществляться в форме незаконного отделения (п.а ч.1) или посредством обмана и злоупотреблением доверием или злоупотреблением служебным положением (п.в ч.1). Умысел на совершение данного преступления характеризуется (п.в ч.1 ст. 131.10 УК Австралии) намерением обращаться с данным объектом как со своей собственностью, независимо от прав другого лица; ...а также намерением пользоваться им в формах, «эквивалентных неправоначальному изъятию или распоряжению» (ч. 2 ст. 131.10).

В некоторых случаях неправомерное завладение участками недр австралийский законодатель рассматривает как «бэрглери» (burglary – англ.), т.е. кража со взломом или хищение, сопряженное с нарушением границ владения (trespasser – англ.) (п.а ч.1 ст. 132.4 УК Австралии); в том числе если похищенная собственность принадлежит юридическому лицу Австралийский Союз (п.в ч.1 ст. 132.4 УК Австралии). В иных случаях незаконное завладение участком недр рассматривается как «нечестное получение или удержание собственности» (ст. 132.8 УК Австралии) – завладение без согласия правомочного органа или лица, совершенное без признаков насильственного вторжения. Также возможны и квалификация таких действий как получение собственности или финансового преимущества посредством обмана (раздел 139 УК Австралии) или «общий случай нечестности» (ст. 135.1 УК Австралии), либо «нечестное получение финансовой выгоды» (ст.135.2) [6, с. 208-212]. Как можно наблюдать, австралийский законодатель не усматривает в преступных посягательствах на недра экологического фактора, устанавливает уголовную ответственность как за преступление против собственности.

Аналогичный подход можно наблюдать и в уголовном законодательстве Швеции: страна имеет горнодобывающую промышлен-

ность, одну из наиболее развитых в Европе. Ее горное законодательство является весьма разработанным и прогрессивным [2]. Тем не менее в соответствии с гл.12 УК Швеции «О преступлениях причиняющих ущерб» основные виды посягательств на недра квалифицируются как «нарушение владения». В то же время представляют определенный интерес ситуации, предусмотренные ст. 8 гл. 8 УК Швеции: «Если лицо незаконно берет или использует или иным образом присваивает что-либо, то оно совершает незаконное лишение владения...если лицо, ничего не присваивая, любым способом незаконно вторгается в чужое владение либо препятствует другому лицу в осуществлении его права владения или пользования, наказывается...» [22, с. 69-70]. Данные нормы активно используются в процессе защиты интересов в сфере недропользования. Очевидно, что отношения в области добычи полезных ископаемых шведским законодателем рассматриваются в призме общих вещных отношений и обеспечиваются общим механизмом уголовно-правовой охраны.

Тождественная ситуация имеет место и в уголовном законодательстве Дании. Это государство также известно своими разработками ресурсов на континентальном шельфе. За исключением ст. 196 УК Дании – нарушение закона об окружающей среде, загрязняющее недра – все остальные нарушения в сфере недропользования наказываются на общих основаниях как имущественные преступления: а) гл. 28 «Стяжательские преступления»; б) гл. 29 «Другие преступления против имущества» [10, с.203-225]. Соседнее с ней государство – Голландия, в своем уголовном законодательстве использует аналогичный прием: не выделяет отношения недропользования в качестве самостоятельного объекта охраны. А посягательства на полезные ископаемые квалифицирует на общих началах как преступления против собственности. Для этого используется следующий прием законодательной техники: во всех нормах, предусматривающих ответственность за имущественные посягатель-

ства, применяется универсальный термин «присвоение любой собственности» (ст.321 УК Королевства Нидерландов) [8, с. 399-400].

Общепризнанно, что весьма развитым является уголовное законодательство Турции. Турецкий законодатель не уделил особого внимания обеспечению безопасности отношений недропользования, рассматривая деликты в данной сфере как разновидность общих посягательств на имущество или имущественные права. Причем его позиция характеризуется тем, что он практически не усматривает в отношениях по разработке недр экологической составляющей. Глава 8 раздела 4 УК Турции «Самовольное приобретение прав» в ст. 308 предусматривает ответственность за завладение любым правом, в том числе и на недра, в обход обязательного обращения к компетентным органам. При этом (п. 4) если лицо в дальнейшем докажет свое право или оформит его надлежащим образом, то оно не освобождается от ответственности, наказание лишь уменьшается на три четверти [18, с. 210-211].

Глава 6 раздела 10 УК Турции предусматривает ответственность за «незаконное проникновение в чужое владение»: ст. 513 – нарушение или изменение границ чужой собственности или территории, ст. 515 – чинение препятствий пользованию чужим имуществом или территорией, ст. 516 – повреждение имущества или владения (причем под повреждением в правоприменительной практике турецких юрисдикционных органов понимается любое изменение объекта помимо воли собственника, если последний сочтет такое изменение нежелательным для себя). В качестве уголовного проступка в книге 3 разделе 2 главы 7 УК Турции закреплена ст. 566 – общая норма, предусматривающая ответственность за «создание каким-либо образом, даже по невнимательности или неопытности опасности причинения вреда обществу, лицам или имуществу...», а в п. 2 – «если нарушены правила, относящиеся к промышленности» [18, с. 157]. Данная норма весьма популярна при привлечении к ответственности лиц, виновных в различных

нарушениях многочисленных в данном государстве требований и условий разработки недр.

«Законодательница юридической моды» Франция, как государство, определяющее значимые правовые стандарты, преступные действия, направленные на завладение или использование полезных ископаемых, также рассматривает в качестве имущественных посягательств на общих основаниях. Интерес представляет следующая специальная норма: отдел 2 книги 3 УК Франции «О преступных деяниях, сходных с мошенничеством», ст. 313-6 «Завладение чужой собственностью, совершенное на публичных торгах, путем использования подарков, обещаний, сговора или любым другим обманным способом, отстранение какого-либо участника торгов или нарушение свободы объявления цены...» [21, с. 298-299]. Данное положение предусматривает ответственность за совершение весьма популярных в современной России нарушений при проведении конкурсов на получение лицензии на различные виды недропользования и заключении на открытых торгах договоров на исследование, разработку и т.д. участков недр.

На противоположной части планеты, при всем различии правовых традиций и отношении к природным богатствам, законодатель Японии характеризуется таким же подходом к уголовно правовой охране отношений недропользования. Специальные нормы отсутствуют. Преступные посягательства на недра квалифицируются по общей норме – ст. 235.2 УК Японии «Незаконный захват недвижимой собственности» и гл. 38 (ст. 252-255) УК Японии «Преступления состоящие в присвоении» [24, с. 142-150].

К данной же группе нормативных правовых актов можно отнести и законодательство США (государство с самым масштабным добывающим сектором экономики в мире). Ни федеральное уголовное законодательство (Примерный уголовный кодекс США 1962 г.), ни уголовные кодексы штатов не закрепляют такого состава преступления, как «нарушение правил охраны или использования недр»

или «посягательства на недра». Экологическая составляющая американского уголовного права предусматривает ответственность за различные загрязнения и порчи (воды, воздуха, земли...) вне зависимости от сферы деятельности. Посягательства на недра, сопряженные с завладением участком недр, ископаемыми или подземными пространствами квалифицируются как общие имущественные деликты: преступное причинение ущерба (ст. 220.3 Примерного УК США) или различного рода хищения (ст. 223.01-223.08 Примерного УК США) [5]. Правовая система США характеризуется тем, что уголовная ответственность за различные деяния может быть закреплена не только в текстах уголовных кодексов. Законодательство о недрах США, как и экологическое, чрезвычайно развито. Но в данного вида нормативных правовых актах (например, Закон о национальной политике в области окружающей среды США 1970 г., Горный закон США 1872 г. с изменениями, Закон о горной аренде 1947 г. и др.) уголовная ответственность за завладения недрами не предусмотрена. В них присутствует закрепления таких деликтов, как различного рода загрязнения и отравления.

3. *Нормы, предусматривающие ответственность за нарушения в сфере недропользования, закрепленные в разделах уголовного закона об экологических преступлениях.* В основном к ним относятся правовые документы государств-членов СНГ, основанные на общих юридических традициях бывших республик Советского Союза. Полностью соответствуют позиции российского законодателя: УК Кыргызской Республики (ст. 275) [12, с. 270], УК Азербайджанской Республики (ст. 255) [17, с. 270], УК Республики Казахстан (ст. 286) [15, с. 168]. Тем не менее в иных нормативных уголовно правовых актах, отнесенных нами к данной группе, государств-членов СНГ присутствуют интересные самобытные аспекты.

Так, УК Узбекистана содержит аналог российской ст. 255 УК РФ – ст. 197 УК Республики Узбекистан: «Нарушение условий использования... недр или требований по их

охране». Но данная норма часто применяется в совокупности со ст. 175 УК РУ «Заключение сделки вопреки интересам Республики Узбекистан» [17, с. 199-200]. Под совокупность данных норм подпадают различного рода злоупотребления и нарушения при получении лицензий на добычу ископаемых, при оформлении отводов участков недр и т.д.

Также и УК Грузии, наряду с аналогом российской ст. 255 УК РФ – ст. 298 – почти тождественного содержания, содержит также и ст. 299 – «незаконное пользование недрами», которая, несмотря на свое нахождение в главе 36 «Преступления против охраны окружающей среды», направлена на охрану вещных отношений в области недропользования [9, с. 316-317].

Ст. 240 УК Украины (раздел 8 «Преступления против окружающей среды») [19, с. 212] предусматривает ответственность лишь за нарушение правил охраны недр, рассматривая посягательства на отношения в сфере использования недр в качестве общего преступления против собственности. Также достаточно обоснованная правовая позиция.

Законодатель Латвии, помимо общей нормы – ст. 96 УК Латвийской республики «Нарушение правил эксплуатации и использования земли, ее недр, вод и лесов», также закрепил и специальную норму – ст. 100 УК Латвийской республики «Незаконное захоронение опасных веществ в водах и недрах земли» [13, с. 128-132].

4. *Закрепление нормы об ответственности за нарушение правил охраны и использования недр в главе уголовного закона «Хозяйственные преступления».*

Примером такого подхода может служить эстонское уголовное законодательство. Согласно ст. 154.3 УК Эстонии, расположенной в главе 7 «Хозяйственные преступления» – подлежит наказанию нарушение требований охраны и использования недр, причинившее значительный ущерб, или совершенное после применения к виновному дисциплинарного или административного взыскания» [23, с. 159-160]. В данном случае эстонский законодатель однозначно определяет отно-

шения недропользования в качестве разновидности хозяйственных, а не экологических правоотношений. Это в большей степени соответствует содержанию исследуемого вида деятельности. Аналогичная позиция прослеживается и в разделе 2 «Преступления в отдельных отраслях хозяйства», гл. 6 «Преступления против хозяйства» УК Республики Болгария [14, с. 172-180].

В силу исторической преемственности российского уголовного права и уголовного права Германии представляется целесообразным рассмотреть специфику действия механизма уголовно правовой охраны отношений недропользования, сконструированного германским законодателем [1]. Природоохранные отношения в ФРГ имеют стройную систему и подробную регламентацию, наряду с законодательством ЕС. За последние 25 лет правовая система Германии приобрела очевидный экологический оттенок. Принято множество нормативных актов, регламентирующих отношения природопользования. Вредное воздействие на окружающую среду строго регламентировано.

Возглавляет иерархию экологических нормативных актов ФРГ Конституция Германии, которая в ст. 20а требует от государства защищать окружающую среду, как основу жизни. В Германии в сфере охраны природы и природопользовании существует множество законов (Gesetz) и подзаконных нормативных актов (Verordnung). Для целей квалификации преступлений значение природоохранного законодательства заключается в том, что лишь при нарушении норм экологического законодательства следует вывод о противоправности деяния. Поскольку экологическое законодательство ФРГ включает в себя не только законы, но и подзаконные нормативные акты, их нарушение также ведет к уголовной ответственности. То есть законодатель не сам вводит предпосылки наказуемости деяний, а делегирует это исполнительным органам. В немецкой научной литературе эта проблема получила название административной акцессорности (Verwaltungsakzessorietat). В российской на-

уке уголовного права подобная проблема рассматривается с точки зрения бланкетности уголовно-правовых норм¹.

В Германии некоторые федеральные законы прямо вводят уголовную ответственность за нарушение норм такого закона. Например, уголовно-правовые нормы содержатся в § 39 Закона о генной инженерии (GenTG: Gentechnikgesetz), § 13 Закона о защите от радиации (StrVG: Strahlenschutzvorsorgegesetz), § 21 Закона об ответственности в сфере окружающей среды (UHG: Umwelthaftungsgesetz). Ответственность за посягательство на природу предусмотрена также ст. 11 Кодекса международных преступлений от 26.06.2002 г. (VStGB: Völkerstrafgesetzbuch). Названной нормой карается причинение серьезного вреда воздействием на природную среду в ходе международного вооруженного конфликта.

Центральное место в системе уголовного законодательства Германии занимает Уголовное уложение (Strafgesetzbuch: StGB), оно же Уголовный Кодекс от 15.05.1871 г., который содержит раздел 29 StGB под названием «Преступления против природной среды». В настоящее время раздел 29 StGB объединяет 13 параграфов (статей), из которых только 10 направлены на защиту природы, а три носят «технический» характер – определяют общие понятия раздела 29 StGB (§ 330d), предусматривают основание освобождения от ответственности в связи с деятельным раскаянием (§ 330b), изъятие предметов и средств совершения преступления (§ 330c). Часть составов, которые в российском правовом порядке рассматриваются как экологические, находятся в иных разделах StGB. Например, § 292 StGB «Браконьерство» и § 293 StGB «Браконьерский лов рыбы» содержатся в разделе 25 «Корыстные преступления». Указанными нормами карается нарушение чужого права на охоту или лов рыбы. Также за пределами раздела 29 StGB находятся преступления,

¹ Проблеме бланкетности в уголовном законе посвящена дискуссия, отраженная на страницах научного журнала «Библиотека уголовного права и криминологии» (№№1, 2, 3).

связанные с радиоактивными и ионизирующими излучениями (раздел 28 StGB «Общепасные преступные деяния» [4].

Действительно, в правовую систему Германии входит такой нормативный правовой акт, как Горный закон Германии от 13.08.1980 г., который (так же как и Горный кодекс Франции 1995 г.) устанавливает основные стандарты недропользования, достаточно детально регулирует данный тип правоотношений. Но в нем отсутствует закрепление уголовной ответственности за совершение общественно опасных нарушений правил охраны и использования недр. Подобная специальная норма отсутствует и в тексте УК ФРГ. Но анализ текста германского уголовного закона и практики его применения позволяет прийти к следующим выводам. Раздел 29 УК ФРГ посвящен закреплению уголовной ответственности за совершение преступных деяний против окружающей среды. В нем содержится большое количество норм, направленных на защиту от загрязнения воздуха, воды, земли, но даже не упоминаются недра. Спецификой немецкого уголовного законодательства также является и то, что такие традиционные для правовой системы РФ экологические преступления, как браконьерство и незаконный лов рыбы, закреплены в главе 4 УК ФРГ «Преступления против специальных имущественных прав» (соответственно ст.ст. 292 и 295 УК ФРГ). Немецкому законодателю присуще рассматривать деяния, направленные на завладения объектами окружающей среды, в качестве имущественных преступлений.

Из этого обстоятельства и вытекает общая тенденция – относить и посягательства на недра к общеуголовным преступлениям против собственности. При этом нормы о краже (ст. 242), присвоении (ст. 246) и разбое (ст. 249) применены быть не могут, поскольку законодательно определено, что предметом посягательства в этих деликтах может быть лишь движимое имущество. В то же время недра, как разновидность недвижимого имущества, могут быть предметом посягательства при исполнении таких

преступлений, как: вымогательство (ст. 253), мошенничество (ст. 263) и злоупотребление доверием (ст. 266).

Как это ни парадоксально может звучать, но конструирование наиболее эффективного механизма охраны недр и уголовно-правовой защиты отношений недропользования нам удалось обнаружить в законодательстве такого карликового европейского государства, как Республика Сан-Марино. Его территория на 90% является горной, особо ценных полезных ископаемых в этой горной местности нет, но при этом недра – это все природные ресурсы, которые имеются у граждан данной республики. Может быть, именно поэтому они столь трепетно относятся к их защите. Немаловажное значение имеет и близость Сан-Марино к историческим центрам юридической науки: университетам Болоньи, Падуи и т.д. Таким образом, удачно совпали и горячее желание граждан защитить свои более чем скромные ресурсы полезных ископаемых, и организационная возможность это желание удовлетворить. В результате был создан весьма гармоничный и эффективно функционирующий механизм уголовно-правовой защиты недр. В нем удачно сочетаются защита и экономических составляющих, и экологических компонентов отношений недропользования.

В полном соответствии с диалектическими закономерностями соотношения общего, особенного и частного, законодатель Республики Сан-Марино в основу рассматриваемого механизма поместил общую норму – ст. 246 УК Сан-Марино «Ухудшение окружающей среды»: «Всякое лицо, которое любым способом, даже опосредованно, за исключением случаев, предусмотренных ст. 241 настоящего Кодекса (Посягательство на состояние общественного здравоохранения путем ухудшения окружающей среды), распространяет в атмосфере, вводит в проточную, стоячую, текущую по поверхности либо подземную воду, помещает в почву или недра вещества любого характера или вида, которые сами по себе либо в связи с состоянием почвы, воды, недр, могут подвергнуть изменениям состояние окружаю-

щей среды...» [16, с. 171]. Состав преступления сконструирован как формальный (состав угрозы) и направлен на защиту экологических составляющих отношений природопользования (в том числе и недропользования) от любых активных посягательств (даже опосредованных). Несмотря на то, что о форме вины в данной норме не упоминается, законодатель предполагает умышленные действия субъекта. Так как установлению ответственности за неосторожные посягательства посвящена иная норма: ст. 249 УК Сан-Марино «Неумышленное ухудшение окружающей среды» – также норма универсального характера, охватывающая своим запретом любое неосторожное (используются термины непреднамеренность и неумышленность) причинение вреда экологии (в том числе и недрам). Данный состав преступления – уже материальный. Если упомянутые действия причиняют особо тяжкий вред, то запрету такого деяния посвящена ст. 247 УК Сан-Марино «Неумышленное вызывание бедствия» (квалифицированный состав) [16, с. 175].

Высокой степенью общественной опасности обладает использование подземных пустот для складирования различных отходов. В законодательстве большинства стран (в том числе и Российской Федерации) этой проблеме не уделяется должного внимания. Уголовный Кодекс Республики Сан-Марино посвятил этому вопросу ст. 258 «Незаконная свалка»: «... спуск, сброс или ввод вещества любого характера или вида в воду, атмосферу, недра или почву без предварительного официального разрешения» [16, с. 181]. Состав сконструирован как классический формальный, даже упоминание об угрозе наступления неблагоприятных последствий отсутствует. Для сравнения: в недрах Российской Федерации отработанные карьеры и шахты чем только не заполнены, а ответственность за это даже административная не предусмотрена (за исключением радиоактивных и токсичных отходов).

Рассмотренные нормы направлены на обеспечение экологических интересов в сфере (в том числе) недропользования. Но не-

дра – это, прежде всего, экономическая основа ресурсных богатств любого государства, как бы ни скудны были запасы их полезных ископаемых. В свете этого законодатель Республики Сан-Марино в главе 6 Уголовного Кодекса предусмотрел в ст. 303 ответственность за «разрушение богатства Республики» – также универсальная норма, запрещающая, в том числе, и уничтожение или повреждение сырья или запасов полезных ископаемых. Такое деяние рассматривается как преступление 3-й категории тяжести (аналог особо тяжкого преступления по российскому законодательству).

Но особый интерес, на наш взгляд, представляет ст. 323 УК Сан-Марино «Незаконная выемка грунта или разработка месторождений» [16, с. 211]. С объективной стороны данный состав преступления характеризуется осуществлением без специального разрешения: а) выемки грунта, б) непосредственно или в форме поручения другому лицу производство разработки месторождения. Предполагается, что любая выемка грунта должна основываться на специальном разрешении, даже если это – установление септика; любая добыча полезных ископаемых должна основываться на лицензии, даже если это использование колодца или артезианской скважины. В принципе такое же положение дел закреплено и в российском законодательстве о недрах, но данные предписания не обеспечены ни уголовной, ни даже (в большинстве случаев) административной ответственностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: ТК Велби, 2006. – 560 с.
2. Закон о горной аренде США 1947г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitutions.ru/archives/5849>. (дата обращения 11.10.2013г.).
3. Клюкин Б.Д. Горные отношения в странах Западной Европы и Америки. – М.: Городец-издат, 2000. – 443 с.
4. Попов И.В. Ответственность за охрану природной среды по законодательству ФРГ [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал [2012, вып. 5: юридические науки] [сайт]. URL: <http://research-journal.org/featured/otvetstvennost-za-prestupleniya-protiv>

- prirodnoj-sredy-po-zakonodatelstvu-frg/ (дата обращения: 11.10.2013 г.).
5. Примерный Уголовный кодекс США [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitutions.ru/archives/5849> (дата обращения 11.10.2013г.).
 6. Уголовный кодекс Австралии. СПб. 2002.
 7. Уголовный кодекс Азербайджанской республики. СПб. 2001.
 8. Уголовный кодекс Голландии. СПб. 2001.
 9. Уголовный кодекс Грузии. СПб. 2002.
 10. Уголовный кодекс Дании. СПб. 2001.
 11. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб. 2001.
 12. Уголовный кодекс Кыргызской республики. СПб. 2002.
 13. Уголовный кодекс Латвийской республики. СПб. 2001.
 14. Уголовный кодекс республики Болгария. СПб. 2001.
 15. Уголовный кодекс республики Казахстан. Алматы. 1997.
 16. Уголовный кодекс республики Сан-Марино. СПб. 2002.
 17. Уголовный кодекс республики Узбекистан. СПб. 2001.
 18. Уголовный кодекс Турции. СПб. 2003.
 19. Уголовный кодекс Украины. СПб. 2001.
 20. Уголовный кодекс Федеративной республики Германии. СПб. 2003. 21.
 21. Уголовный кодекс Франции. СПб. 2002.
 22. Уголовный кодекс Швеции. СПб. 2001.
 23. Уголовный кодекс Эстонской республики. СПб. 2001.
 24. Уголовный кодекс Японии. СПб. 2002.

УДК 34С.33

Мерзлякова В.А.

Московский государственный областной университет

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВА ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

V. Merzlyakova

Moscow State Region University

SOME PROBLEMS TO CATEGORIZE THE CASES OF POLICE ABUSE OF AUTHORITY

Аннотация. Вопрос квалификации должностных преступлений является одним из самых острых вопросов уголовного правоприменения, поскольку своевременное расследование, предупреждение и профилактика квалифицированных видов превышения должностных полномочий в правоохранительной деятельности способствуют повышению доверия и укреплению авторитета правоохранительных органов. В данной связи рассмотрены некоторые вопросы квалификации преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов путем превышения должностных полномочий. В особенности это проблемы конкуренции уголовно-правовых норм и отграничение одних составов преступлений от смежных составов преступлений (ч. 3 ст. 17 УК РФ), а также от правомерных действий, которые формально содержат признаки преступления (ч. 2 ст. 14 УК РФ), что свидетельствует об актуальности исследуемого вопроса. Точное определение границ превышения должностных полномочий сопряженного с применением насилия или угрозой его применения, с применением оружия или специальных средств, с причинением тяжких последствий является непременным условием для квалификации содеянного по ч.3 ст. 286 УК РФ.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, должностное лицо, квалификация, насилие.

Abstract. This article deals with one of the acute problems of criminal law enforcement – categorization of abuses of authority – as timely investigation and prevention of the categorized types of abuses of authority result in raising the public's confidence and trust in law enforcement bodies. Some problems of the procedure are considered, such as criminal laws competition and delimitation of offenses (Part 3 of Art. 17 of the Criminal Code) and legal actions which formally contain the elements of crimes (Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code). The precise identification of the boundaries of abuse of authority associated with the use of violence or threat of violence, use of weapons or special means, inflicting hard damages is a prerequisite for categorizing the offense according to Part 3 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: abuse of authority, official (officer), categorization, violence.

Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена ответственность за превышение должностных полномочий, сопряженных с применением насилия или угрозой его применения, с применением оружия или специальных средств, с причинением тяжких последствий. В свою очередь квалифицированные виды данного состава преступления закреплены в ч. 3 ст. 286 УК РФ. Насилие, применение оружия или специальных средств,

а также причинение тяжких последствий в равной степени влекут за собой квалификацию по ч. 3 ст. 286 УК РФ. Наибольшая степень общественной опасности действий и личности виновного в превышении должностных полномочий основывается на том, что данное преступление совершается с применением оружия или специальных средств, которые могут причинить вред большому количеству граждан. Как показывает практика, данный вид преступлений типичен для сотрудников правоохранительных органов.

При квалификации преступных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов по ч. 3 ст. 286 УК РФ необходимо наличие хотя бы одного из признаков, перечисленных в ч. 3 ст. 286 УК РФ. Как правило, при квалифицированном превышении должностных полномочий имеет место не один, а несколько таких признаков одновременно. Очень часто встречается в сочетании насилие с причинением тяжких последствий, насилие и применение специальных средств, насилие и применение оружия. Для расследования уголовных дел, связанных с превышением должностных полномочий, органам и лицам, осуществляющим расследование, необходимо выявлять все эпизоды, характеризующие тот или иной квалифицирующий признак. Насилие, применение оружия или специальных средств, причинение тяжких последствий, которые в отдельных случаях могут сопровождаться превышением должностных полномочий, могут выступать как самостоятельное преступление (преступление против личности), что выделяет данное преступление в категорию особо опасных, так как это приводит к отсутствию доверия и потере авторитета со стороны правоохранительных органов.

Квалифицированное превышение должностных полномочий – это сложное преступление, наделенное особыми признаками и свойствами, с новыми, качественными особенностями конкретно для данного состава преступления. Совершение сотрудником правоохранительных органов действий, обусловленных занимаемым им должностным

положением, свидетельствует об их повышенной общественной опасности. Характер насилия, вытекающий из должностного положения виновного, и дает основание квалифицировать такие действия по ч. 3 ст. 286 УК РФ. В случае, когда виновный превышает свои должностные полномочия и совершает при этом насильственные действия не в связи со своими полномочиями в отношении потерпевшего, то данные деяния не влекут за собой состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ. Действия такого виновного лица следует квалифицировать по соответствующим статьям УК РФ в сфере преступлений против личности.

Например, сотрудник полиции, находясь на посту, без видимых причин и оснований, ударил по лицу женщину. Не выясняя мотивы, квалификация данного деяния будет по п. а ч. 3 ст. 286 УК РФ. А при выяснении мотивов можно установить, что данная женщина – его супруга, которая сообщила мужу об измене. Следовательно, удар был нанесен на почве личных неприязненных отношений, а нахождение его при исполнении никакого значения не имеет для квалификации, данные действия должны быть квалифицированы в соответствии со ст. 116 УК РФ. Если же такая взаимосвязь существует, то действия виновного охватываются ч. 3 ст. 286 УК РФ, при этом не обязательно для потерпевшего нахождение в служебной зависимости от виновного. Для применения ст. 286 УК РФ необходимо, чтобы действия виновного были обусловлены его служебным положением и вытекали из его должностных полномочий.

Анализ материалов судебной практики показывает, что действия насильственного характера при превышении должностных полномочий могут причиняться виновным лицом однократно, неоднократно и систематически. В зависимости от обстоятельств дела решается вопрос о кратности насильственных действий. Данные обстоятельства являются основой для правильного определения всей общественной опасности личности виновного и применение относительно него справедливого наказания. По своим

объективным и субъективным признакам общественная опасность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 286 УК РФ будет значительно выше, чем по ч. 1 ст. 286 УК РФ и это в законе четко обозначено. Квалифицированные виды превышения должностных полномочий по ч. 3 ст. 286 УК РФ относятся к категории тяжких преступлений [1]. Таким образом, своевременное расследование, предупреждение и профилактика квалифицированных видов превышения должност-

ных полномочий в правоохранительной деятельности способствует повышению доверия и укрепления авторитета к деятельности сотрудников правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2012. – 160 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

УДК 343.24

Надысева Э.Х.

Московский государственный областной университет

**НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ**

E. Nadyseva

Moscow State Regional University

**SOME THEORETICAL ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE SYSTEM
OF PENALTIES FOR OFFENCES AGAINST PUBLIC MORALITY**

Аннотация. В статье проведен анализ эффективности системы наказаний и ее уголовно-правового значения в действующем уголовном праве России. Практическое значение системы наказаний в Уголовном кодексе РФ и в уголовном праве состоит в установлении оптимального наказания за совершенные преступления и в предупреждении преступности в целях уменьшения криминогенной обстановки. Рассмотрена роль наказаний и некоторые теоретические аспекты правового регулирования системы наказаний за преступления против общественной нравственности. Доказывается необходимость изменения системы наказаний в связи с уголовно-правовой регламентацией преступлений против общественной нравственности и практикой их применения.

Ключевые слова: уголовное наказание, признаки системы наказаний, мера назначения наказания, общественная опасность.

Abstract. The article analyzes the efficiency of the penalty system and its criminal law value in the operating Criminal Law of Russia. The practical value of the penalty system in the Criminal Code of the Russian Federation consists in both providing the optimum punishment for criminal acts and preventing crimes thus reducing their rates. The article also considers the role of penalties and some theoretical aspects of legal regulation of the system of penalties for offenses against public morality. It is proved that the penalty system needs changes in connection with criminal law reconsideration of offenses against public morality and the practice of penalty enforcement.

Key words: criminal penalty, features of penalty system, measure of punishment, responsibility, public danger.

Законодатель, определив в действующем российском уголовном законодательстве отдельные виды наказаний за преступления против общественной нравственности, вынес их в гл. 25 Уголовного кодекса (далее – УК РФ) [5]. Действующий УК РФ не содержит понятия системы уголовных наказаний, однако их виды перечислены в ст. 44 «Виды наказаний» и ст. 88 «Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним». Система наказаний строится исходя из принципов как уголовно-правовой политики, так и уголовного права. Поэтому, исходя из принципа законности, – перечень видов наказаний исчерпывающий (*nulla poena sine lege*). Наказания, определяемые за преступления против общественной нравственности, отвечают требованиям, установленным уголовным законом. Выше сказанное означает, что виды наказания взаимообусловлены, взаимосвязаны и, согласно взглядам, которые сложились в современной правовой науке, представляют собой систему, дающую возможность суду на основе закона эффективно использовать различные меры воздействия на осужденного.

В уголовно-правовой литературе принято выделять три признака системы наказаний. Во-первых, перечень видов наказаний – исчерпывающий или «закрытый». Во-вторых, виды наказаний перечислены в строго определенном порядке (последовательность расположения: от менее к более строгим). В-третьих, обязательность указанных в законе наказаний для суда (суды не могут применять другие наказания и произвольно определять степень тяжести этих наказаний). Перечисленные признаки в полной мере применимы к гл. 25 УК РФ. Однако если исходить из того, что общественная нравственность является охраняемым объектом в ст.ст. 240-245 УК РФ [5], то возникает двоякое понимание системы наказаний: как перечня наказаний, расположенных в зависимости от степени их тяжести, т.е. в порядке возрастания – от менее тяжких к более тяжким (что применимо ко всем видам преступлений), и как наказания в сфере конкретного охраняемого объекта. В современной исследовательской деятельности основным признаком целостности и системности называется наличие «соответствующего состава, известного количества определенных компонентов и элементов». Неизбежно возникает вопрос, применен ли системный подход в гл. 25 УК РФ [5] и как применен. Не случайно в научной среде давно не утихает спор о выделении преступлений против нравственности в самостоятельную группу [4; 7].

Проанализируем, насколько перечень наказаний, предусмотренных за преступления против общественной нравственности, имеет системный характер. В УК РФ вышеназванные категории преступлений включают деяния, предусмотренные следующими статьями: «Вовлечение в занятие проституцией» (ст. 240 УК РФ); «Организация занятия проституцией» (ст. 241 УК РФ); «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» (ст. 242 УК РФ); «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» (ст. 242¹ УК РФ); «Уничтожение или повреждение па-

мятников истории и культуры» (ст. 243 УК РФ); «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» (ст. 244 УК РФ); и «Жестокое обращение с животными» (ст. 245 УК РФ) [5]. Несомненно, перечисленные преступления представляют опасность, затрагивающую интересы всего общества, самих условий его существования. Но подобное деление, предложенное законодателем, все же представляется искусственным, так как все преступления, а в особенности тяжкие, представляя опасность, одновременно являются деяниями безнравственными.

Определенные сложности возникают и при выявлении признаков системы по охраняемому объекту. Например, возможно ли сочетать ст. 242 УК РФ «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» и ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», либо ст. 240 УК РФ «Организация занятия проституцией» и ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными». [5] Если объектом защиты этих норм является общественная нравственность, то почему сюда не включить, например, и такие статьи, как ст. 159 УК РФ «Мошенничество» или 290 УК РФ «Получение взятки» [5] (а может, и всю особенную часть УК). На эти мысли наводит вывод из интервью Д. Медведева газете «Ведомости», который был сделан в новостных комментариях известного портала «ПОЛИТ.РУ» (см. одноименную новость от 26.01.2011 г.), что «масштаб коррупции в России определяет нравственность россиян» [3]. В целом каких-либо убедительных доводов в пользу выделения тех или иных статей по защите общественной нравственности в литературе не приводится.

В то же время ряд статей УК РФ [5] можно сгруппировать по охраняемому объекту, например, ст. 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» можно объединить с группой статей, направленных на охрану культурного наследия – это ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность», часть 2 ст. 188 УК РФ «Контрабанда культурных ценностей», и ст. 190 УК

РФ «Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран». Таким образом, становится ясно, что ст. 240-245 УК по охраняемому объекту по существу не сгруппированы и не систематизированы, а сведены вместе эклектично. Представляется верным выделить преступления в сфере сексуальных отношений в одну группу, а преступления в отношении культурных ценностей – в другую.

Установленные меры наказания также не являются эффективным сдерживающим фактором, препятствующим росту преступлений против общественной нравственности. Поэтому необходимо разработать определенные правила (алгоритмы) построения санкций в зависимости от составов преступлений, исключающих значительный разрыв между минимальным и максимальным значением наказания за одно и то же преступление (как, например, в ст. 241 УК РФ [5]: от штрафа 100 тыс. руб. до 10 лет лишения свободы). Думается, что в данном случае нельзя не согласиться с В.Н. Кудрявцевым, который считает, что некоторая формализация судебного усмотрения законодателем привела бы к большей стабильности судебной практики, укрепления законности, более полной реализации принципа справедливости [2, с. 55].

Необходимо отметить, что только то наказание способствует цели наказания и обеспечивает его эффективность, которое назначено справедливо. Особенной части УК РФ [5] предусмотрена соответствующая статья (ч. 1 ст. 60 УК РФ), на основании которой лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание. Однако более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания или же в случае назначения по совокупности преступлений или приговоров.

В уголовно-правовой литературе общепризнанным является мнение, что одной из целей

наказания предполагается предупреждение совершения новых преступлений осужденными и предупреждение совершения преступлений другими лицами. В связи с этим меры уголовной репрессии, предусмотренные ст. 242 и 242¹ УК РФ [5] сами по себе, аналогично мерам, предусмотренным по ст. 240 УК РФ [5], не дают желаемого эффекта в плане предупреждения преступности. Проанализировав статистику преступлений, зарегистрированных по ст. 242 УК РФ, ст. 242¹ УК РФ с 1997 по 2007 гг., можно отметить лишь возрастание количества преступлений [5]. Так, число преступлений предусмотренных ст. 240 УК РФ, выросло с 413 до 3067, а по ст. 242¹ УК РФ – с 30 до 299 [1, с. 4]. По заявлению заместителя министра внутренних дел И.Н. Зубова, «за последние четыре года в РФ количество преступлений, связанных с изготовлением и распространением через сеть Интернет порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, возросло более чем в 12 раз. В 2012 году зарегистрировано 554 таких преступлений» [6]. Необходимо отметить, что и суды при назначении наказания по ст.ст. 242 и 242¹ УК РФ в основном назначают условное наказание, т.е. в порядке ст. 73 УК РФ [5], и поэтому наказание за указанные деяния в настоящее время не является определяющим сдерживающим фактором. Хотя в условиях быстрого развития Интернета и общедоступности продуктов порноиндустрии эти преступления весьма сложно контролировать и предотвращать.

Представляется несовершенной и мера назначения наказания по ст. 243 УК РФ [5] «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» где, как показывает судебная практика, огромное количество преступлений совершаются в состоянии алкогольного или наркотического опьянения из хулиганских побуждений, а наказание в основном определяется в виде обязательных работ или штрафа. Нельзя не отметить, что информационная среда вообще не оказывает или оказывает несравнимо малое влияние на деяния, предусмотренные ст. 243 УК РФ [5] (в отличие от предыдущих статей). В российском уголовном законодательстве, помимо

ст. 243 УК РФ, действуют ещё три нормы, отнесенные законодателем к категории тяжких преступлений, которые также направлены на охрану культурных ценностей. Это – ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность», часть 2 ст. 226¹ УК РФ «Контрабанда культурных ценностей», ст. 190 УК РФ «Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран» [5]. В частности, по ст. 164 УК РФ предусмотрена ответственность до 10 лет лишения свободы, а также до 15 лет (особо тяжкое преступление); по ст. 190 УК РФ – до 8 лет лишения свободы; по ст. 226¹ УК РФ – до 7 лет лишения свободы, с квалифицирующими признаками – до 10 лет, особо квалифицирующими – до 12 лет [5].

Вместе с тем преступление, предусмотренное ст. 243 УК РФ, относится к категории небольшой тяжести (часть 1 ст. 243 УК РФ) и только лишь при наличии квалифицирующего признака «в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения» относится к преступлениям средней тяжести (до пяти лет лишения свободы). Однако очевиден тот факт, что в отличие от других приведенных выше составов преступлений, связанных с культурными ценностями, при повреждении или уничтожении памятника он может быть утрачен безвозвратно, возможно? потеряет свои качества как памятник. Несмотря на это, «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» считается наименее опасным, и отсюда ответственность явно не соответствует степени его общественной опасности.

В ст. 242¹ УК РФ [5] за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних предусмотрено в виде дополнительного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которое практически не применяется. Спорным выглядит и закрепление в ст. 242¹ УК РФ [5] 18-летнего возраста для лиц, способных нести уголовную ответ-

ственность за совершение деяний, описанных в диспозиции рассматриваемой нормы. По УК РФ [5] привлекаются к ответственности лица с шестнадцати лет за создание и распространение «взрослых» порнографических изображений, а за совершение более тяжких по степени общественной опасности действий с привлечением несовершеннолетних – только с 18 лет. Несомненно, в данном случае необходимо выравнивать норму, снизив возраст субъекта преступления с 18 до 16 лет [1, с. 24-25].

Таким образом, из уголовно-правового анализа наказаний, предусмотренных ст.ст. 240-245 УК РФ [5], в их системе и в порядке «*de lege ferenda*», следует, что необходимо разработать определенные правила (алгоритмы) построения санкций составов преступлений, исключающие существующий разрыв между минимальным и максимальным значением наказания, предусмотренного за одно и то же преступление. В результате система наказаний будет содействовать более эффективной реализации уголовно-правовой политики.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Валентонис А.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия обороту предметов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2010. – 26 с.
2. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
3. Политическая конкуренция необходима: интервью Президента РФ Дмитрия Медведева // Ведомости: ежедневная деловая газета. – 2011. – 26 янв.
4. Селезнев М. Необходим закон об охране общественной нравственности // Советская юстиция. – 1993. – № 7. – С. 20-21.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.11.2013) [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (Дата обращения 18.11.2013).
6. Число связанных с детской порнографией преступлений выросло в 12 раз // Российская газета. – 2013. – 23 янв.
7. Шостак Н.С. К вопросу о нравственности как объекте уголовно-правовой защиты // Становление и развитие советского уголовного законодательства. – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1973. – С. 66-67.

УДК 343.24.01:1

Пещеров Г.И.

Московский государственный областной университет

ЧТО ТАКОЕ НАКАЗАНИЕ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

G. Peshcherov

Moscow State Regional University

WHAT IS PUNISHMENT? PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE EVOLUTION OF IMPRISONMENT

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению наказания и исполнения наказания, как общественной оценке содеянного человеком зла. Человечество в историческом процессе выбрало наиболее целесообразным наказанием тюремное заключение, которое рассматривается как один из универсальных видов лишения свободы, учитывающий особенности заключенного. Парадоксом сегодняшнего дня является то обстоятельство, что, как ни странно, демократизация общества не только не снижает, но и приводит к увеличению количества преступлений. Автор приводит различные аспекты наказания, особенно актуальные в условиях современных демократических свобод, когда количество преступлений в наиболее развитых странах с каждым годом увеличивается.

Ключевые слова: наказание, лишение свободы, гуманность, классификация заключенных, расходы на содержание тюрем.

Abstract. The article is devoted to philosophical reflection on punishment and execution of punishment as a public assessment of the evil inflicted by man. In the process of its historical development humanity has worked out an imprisonment as the most appropriate form of punishment which is universal and takes into account a particular prisoner. The paradox of today is that social democratization does not only decrease, but increases the number of crimes. The author cites various aspects of punishment which are quite urgent under the conditions of modern democratic freedoms accompanied by the growth of crimes in the most developed countries each year.

Key words: punishment, deprivation of freedom, humanity, classification of prisoners, maintenance of prisons.

В истории человечества, еще на ее начальном этапе, возникла необходимость выработки определенных правил не только общежития, но и правовых норм поведения каждого члена общества. Понятия добра и зла и уровень их оценки в каждом обществе определялись с точки зрения угрозы безопасности членам общества или обществу в целом. Каждой угрозе, вызванной содеянным злом, определялось соответствующее наказание.

В философском смысле наказание – это зло, необходимое для воспитания добра в провинившемся. Но всегда ли только зло способно воспитать добро в человеке? История человечества доказывает справедливость народной мудрости – «от добра добра не ищут». Действительно, психика человека так устроена, что добрые намерения не всегда доводят человека до желаемого результата и только зло способно возбудить в человеке желание делать добро. Не случайно другая народная мудрость – «добрыми намерениями устлана дорога в ад» – как

бы утверждает, что человек, как существо очень ленивое, требует жесткого отношения в процессе воспитания или, по крайней мере, применения принципа «кнута и пряника». Из истории мы знаем, что многие мудрецы различных эпох рекомендовали воспитывать детей в строгости, чтобы они вырастали физически здоровыми и психически зрелыми. Наглядным примером служит история Спарты, где каждый гражданин воспитывался, если можно так сказать, «со знаком качества», воином – защитником отечества [4].

Однако обществу свойственны свои слабости, которые особенно ярко проявляются в процессах разложения на коллективном уровне и на уровне каждого человека в отдельности. Это приводит к увеличению преступности, рождению людей с ограниченными возможностями и другим негативным фактам. В свою очередь, в целях защиты человеческого общество предусмотрело судебные наказания за нарушение общественной морали. Такой вид наказания, как лишение свободы, в человеческом обществе служит механизмом ограничения возможных благ человека, а именно лишения его наивысшего блага – свободы. По своим свойствам тюремное заключение, как наказание достаточно универсальное, отличается [1] характерными признаками, приведенными ниже.

Делимость – тюремное заключение может назначаться на любые сроки и даже при пожизненном заключении делимость достигается посредством досрочного освобождения. Наивысшими сроками заключения считались: во Франции – заключение до 20 лет, в Германии – заключение до 15 лет, в Бельгии – заключение до 20 лет для общего и 10 для одиночного, в Голландии – заключение до 20 лет.

Восстановимость – если допущена судебная ошибка, возмещается ущерб (возвращение утраченного, возмещение материального ущерба, возмещение морального ущерба и т.д.).

Простота применения – не требует таких дополнительных и неудобных условий, как передвижение арестантов при ссылке и т. д.

Гуманность – не оскорбляет чувства человеческого достоинства и сострадания.

Индивидуализирование – может быть легко изменяемо согласно личным особенностям заключенных, для достижения чего служат разнообразные системы тюремного режима и различные типы мест заключения.

Нравственное и умственное воздействие – наряду с физическим трудом, возможно использование образовательных технологий, религиозного воздействия, спортивно-культурных мероприятий и т. д.

Совокупность теоретических, методологических и практических сведений об устройстве и управлении тюремной системой, а также методика достижения целей наказания посредством лишения свободы, составляет особое учение, называемое тюремоведением [2]. С развитием взглядов на процесс исправления в заключении расширились и задачи тюремоведения. В настоящее время существуют достаточно большое количество общественных и государственных институтов, имеющих целью восполнить недостатки системы исполнения наказаний (патронаты, колонии для несовершеннолетних, специальные исправительные дома, досрочное освобождение, полицейский надзор, домашний арест и др.). Как наука тюремоведение широко пользуется научными результатами психологии, медицины, антропологии, юриспруденции, этики, педагогики и т.д.

Рассматривая данную проблему с философской точки зрения, необходимо отметить, что:

- наказание должно быть соответственно проступку и достичь главной цели – пересмысления человеком сути совершённого и его духовно-нравственного перерождения;

- невозможно избежать ошибок, поскольку даже статистика подтверждает, что около 5% осужденных отбывает наказание за не совершённое преступление (ошибка судопроизводства);

- должны быть соблюдены определенные нормы морали в отношении заключенных.

Как ни парадоксально, но существующая классификация заключенных по нравствен-

ным признакам, хотя и признается рациональной для достижения нравственных целей общества, реально на практике не приводила к явным положительным результатам¹. Человеческое общество в своем развитии перепробовало различные системы ограничения свободы и многочисленные, порой жестокие способы воспитания заключенных, в конечном итоге так и не найдя универсального механизма, учитывающего как гуманные, так и воспитательные цели.

В некоторых тюрьмах практиковалось ограничение в виде круглосуточного молчания². Особенностью режима является обязательное молчание, которое является несомненно сильным средством, производящим психологическое воздействие даже на наиболее отъявленных преступников. Практическая реализация режима молчания во многих странах привела к неоднозначным результатам: к озлоблению арестантов, одаренных от природы несокрушимой силой воли, и к полному извращению психической жизни слабохарактерных. По мнению отечественных и зарубежных специалистов, режим молчания переходит за грань только исправительной меры, поскольку затрагивает нравственный аспект и переходит рамки морали человеческого общества.

Одинокое заключение как способ ограничения свободы принимается наиболее рациональным, поскольку легче исправлять отдельные единицы, нежели целые группы, составляющиеся совершенно случайно из всевозможных преступников³. При этом наблюдаются следующие позитивные и негативные факторы:

– заключенный не подвержен таким неблагоприятным психологическим факторам, как психология толпы;

– преступник, оставаясь наедине со своей

совестью, имеет возможность подвергнуть строгой и беспристрастной критике всю свою прошлую жизнь;

– значительная финансовая проблема содержания заключенных, поскольку на практике тюрьмы быстро переполнялись и возникала необходимость строительства новых тюрем;

– снижается количество побегов, заговоры и совместные протесты, а также развращение арестантов оказываются невозможными;

– полное разъединение со всем обществом, запрещение переписки даже с родными доводило многих до сумасшествия, заболеваемость достигала высокой цифры, нравственное состояние заключенных было постоянно угнетенным? в них развивалось безучастное отношение ко всему существующему.

С точки зрения общественной морали, разъединение заключенных со всем обществом считается в настоящее время прямо противоречащим главной задаче тюрьмы – социализации заключенного. Для социализации преступника необходим свободный допуск к заключенному всего того, что может служить к подкреплению и обновлению в нем нравственной личности⁴.

Широкое распространение в мире получила ирландская система, где применяется прогрессивное сокращение сроков содержания в зависимости от хорошего поведения арестантов и иных причин. Несомненным преимуществом данной системы является достижение одной из главных целей наказания – социализации преступника. В то же

¹ Попытки подобной классификации предпринимались в Бельгии, Швейцарии, Пруссии, Англии, России и в других странах.

² Оборнская система (Оборнская тюрьма в штате Нью-Йорк, США).

³ В настоящее время Бельгия и Голландия являются государствами с наиболее распространенной тюремной системой одинокое заключения.

⁴ Наибольшая продолжительность заключения в германских одиночных тюрьмах равняется 3 годам. В Бельгии в соответствии с законом от 4 марта 1870 г. полагается сокращение срока заключения по прогрессивной системе: первый год общего заключения приравняется к 9 месяцам одиночного; со следующих 4-х лет делается скидка по 4 мес. с каждого года; затем по 5-ти мес. и т. д., а за 17-20-й годы – до 9-ти мес. ежегодно, так что 20-летнее заключение в общей тюрьме приравняется 9-ти годам и 9 мес. содержания в одиночной. Во Франции по закону от 5 июня 1875 г. одиночному содержанию подвергаются все приговоренные к заключению на сроки не свыше 1 года и 1 дня, а также находящиеся под судом и следствием.

время нельзя не отметить крайнюю сложность и дороговизну данной системы.

Существует мнение специалистов о том, что не существует единой универсальной системы заключения, поскольку каждой эпохе развития человеческого общества присуща своя особенная система заключения, учитывающая как национально-этнические особенности, так и культурно-нравственный уровень развития общества. В настоящее время не подлежит сомнению, что уголовное наказание должно дифференцироваться соответственно нравственному облику каждого отдельного преступника, а такая индивидуализация наказаний еще более осложняет вопрос о его практической реализации.

Как ни парадоксально, в современных странах с высоким уровнем жизни уровень преступности не только не снижается, а приобретает некие изощренные формы. Возможно, одной из причин является влияние демократического политического режима в этих странах. Но только ли это? К примеру, в США в 6 раз больше заключенных, чем в России. Также Соединенные Штаты Америки обладают первенством в удельном числе граждан, находящихся за решёткой: 738 человек из каждых ста тысяч отбывали срок, были задержаны по подозрению в совершении преступления либо находились под стражей в ожидании суда. Конечно, здесь имеет место и наследственный фактор, поскольку каждый второй гражданин США – это наследник бывшего разбойника или беглого каторжника [3].

С учетом различия социально-политических и экономических условий в различных странах мира необходимость пенитенциарной системы в условиях глобализации, как ни странно, не уменьшается. Напротив, страны, условно считающиеся странами классической демократии, наиболее подвержены антисоциальным явлениям и в них в современных условиях содержится наибольшее количество осужденных. Существующая асимметрия в духовно-нравственном развитии, а также социально-экономические неравенства создают как раз ту разграничивающую основу будущей глобализации, которая никак не сможет обойтись без мер ограничения свободы даже в перспективе. Данное обстоятельство потребует создания дифференцированных мер наказания, адекватных совершенному злу, с учетом национально-этнических, социально-психологических, религиозных и духовно-нравственных особенностей каждого члена общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов Ю.А. Международный пенитенциарный опыт и его реализация в современных условиях. – Домодедово: РИПК МВД РФ, 1993. – 125 с.
2. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов / 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2001. – 784 с.
3. Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе министерства России: история и современность. – М.: Норма, 1998. – 172 с.
4. Пещеров Г.И. Государственное и муниципальное управление: Учебник. – М.: МГОУ, 2013. – 600 с.

УДК 343.98

Румянцев А.Ю.

Российский новый университет (г. Москва)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ФАНТОМ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

A. Rumyantsev

Russian New University (Moscow)

FORENSIC CHARACTERISTIC OF CRIME: PHANTOM OR REALITY?

Аннотация. В статье рассматриваются научно-практические вопросы, связанные с анализом, обобщением, выяснением природы, сущности, задач и различных аспектов криминалистической характеристики конкретного вида преступлений. Раскрывается суть многолетней дискуссии представителей криминалистической науки о криминалистической характеристике (и различных ее гранях), и ее месте в методике расследования отдельных видов преступлений, а также ее соотношения с характеристикой криминологической. Сопоставляются различные взгляды на исследуемую проблему, объясняются слабые и сильные стороны рассматриваемых позиций по рассматриваемой проблематике. Автор в своих выводах опирается на изучение практики, в то же время не считает выраженную в статье позицию идеальной.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, элемент, преступление, тактика, методика, расследование, криминологическая характеристика.

Abstract. This paper aims at clarifying the nature, tasks and other aspects of a forensic characteristic of a particular type of crime. The author reveals the essence of a long-term discussion on the nature of forensic science and forensic characteristic, its status among the methods of investigation of certain types of crimes, as well as its relation to a criminological characteristic.

Key words: forensic characteristic, element, crime, tactics, techniques, investigation, criminological characteristic.

До настоящего времени среди ученых-криминалистов не сложилось единого мнения относительно понятия «криминалистическая характеристика преступлений», при том, что данная категория широко освещается в криминалистической литературе. «Криминалистическая характеристика преступления – реальность или иллюзия?»: под таким наименованием известный российский криминалист профессор Р.С. Белкин опубликовал свои размышления по поводу так называемых фантомов криминалистики. Одним из них, по его мнению, оказалась получившая широкое признание научная категория «криминалистическая характеристика преступления». Рассмотрев в общих чертах ее сущность и содержание, Р.С. Белкин утверждает, что криминалистическая характеристика преступления, хотя и получила широкое признание в литературе, тем не менее существенной пользы ни науке, ни практике не принесла. В конечном итоге он приходит к выводу, что «...криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [1, с. 219-224].

Столь основательная критика со стороны видного ученого-криминалиста, конечно, не может остаться без должной реакции. Во всяком случае, приведенные им аргументы должны быть внимательно рассмотрены и выработана обоснованная позиция относительно сущности и значения криминалистической характеристики преступления. Прежде всего, следовало бы уяснить, что такое криминалистическая характеристика преступления, о чем идет речь, каков в данном случае предмет дискуссии. Проблема содержания и структуры криминалистической характеристики имеет сложную, многообразную и длительную историю.

В научной литературе под криминалистической характеристикой преступления принято понимать систему сведений о типичных признаках определенной категории преступлений, которая в своей совокупности дает представление о том, что представляет собой данное деяние, какова его структура, каким орудием пользуются преступники, какие способы применяют, какие типичные следы деяния остаются во внешней среде. Некоторые авторы рассматривают криминалистическую характеристику преступления как информационную модель совершенного деяния, содержащую сведения о его существенных признаках, с учетом которых следователь получает возможность находить оптимальные пути раскрытия преступлений. В целом же это – научная абстракция, содержащая данные о структуре и основных элементах преступления, о закономерных связях между ними, основанная на изучении криминальной и правоохранительной практики и используемая как исходная база для разработки методики расследования той или иной категории преступлений.

Известно, что каждое отдельное преступление обладает своими собственными индивидуальными признаками. Совершается оно конкретным человеком, имеется свой объект (предмет) преступного посягательства, применяются определенные способы и средства преступления и т.д. Однако изучение совокупности однородных престу-

плений позволяет выделить присущие им общие черты. Выявляется повторяемость отдельных признаков и проявлений совершаемых деяний. Общие черты обнаруживаются в действиях по подготовке, совершению или сокрытию преступлений. Выявляются сходные черты личности преступников, типичные следы преступления. И в силу этого следователь, используя методы моделирования и криминалистического прогнозирования, получает возможность найти оптимальные способы своей деятельности по раскрытию конкретного преступления.

Если предстоит деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, то криминалистическая характеристика даст сведения о лицах, обычно совершающих эти преступления, их типичных целях и мотивах, о способах собирания, хранения, передачи каких-либо предметов или документов, имеющих отношение к делу, о различных средствах маскировки преступления, о типичных следах преступления и других обстоятельствах, с учетом которых следователь может организовать работу по расследованию находящегося у него в производстве уголовного дела. Другими словами, зная общее, следователь может судить о свойствах и признаках частного, расследованием которого он в данном случае занимается. Таково в общих чертах понятие и содержание криминалистической характеристики конкретного вида преступлений.

Когда и с какой целью криминалисты начали собирать и обобщать сведения о признаках преступлений, т.е. те самые сведения, которые в своей совокупности получили позже наименование криминалистических характеристик? Как отмечает профессор Р.С. Белкин, впервые понятие криминалистической характеристики применил в одной из своих работ А.Н. Колесниченко еще в 1967 году [1, с. 220]. Однако активно в трудах криминалистов оно стало использоваться в 1970-е и последующие годы. Именно тогда были определены сущность и содержание этого нового понятия в науке.

Если обратиться к трудам первых криминалистов, в том числе признанного ос-

новоположника криминалистики Г. Гросса, то можно заметить, что рекомендации о способах расследования отдельных видов преступлений он начинает и сопровождает изложением сведений о преступниках, специализирующихся на тех или иных видах преступлений, об их нравах и образе жизни, способах совершения и сокрытия преступлений. В особенной части труда Г. Гросса выделен специальный раздел, в котором рассматриваются приемы расследования некоторых категорий преступлений. Автор дает характеристику преступников, описывает механизм и орудия преступлений, типичные следы совершенных деяний и после этого излагает способы обнаружения, фиксации и оценки следов и других доказательств преступления [4].

В начале XX столетия вышла в свет книга еще одного из первых криминалистов, А. Вейнгарта, названная автором «Уголовная тактика». Книга представляет собой руководство по расследованию преступлений и состоит из двух частей. Часть общая содержит рекомендации по производству следственных и розыскных действий, производимых в процессе раскрытия преступлений. Часть особенная включает методы выявления и раскрытия отдельных видов преступлений. Как и Г. Гросс, А. Вейнгарт излагает свои рекомендации по расследованию вместе с подробным описанием того или иного преступления. При этом он оставляет в стороне уголовно-правовую характеристику деяния, но подробно описывает типичные признаки преступников, их цели и мотивы, орудия преступлений, способы подготовки и совершения преступлений, способы их сокрытия, типичные следы преступления, методы их обнаружения, изъятия и оценки [2]. Данные, приведенные А. Вейнгарт, свидетельствуют о том, что он стремится раскрыть читателю как можно подробнее сущность преступления, познакомить его с преступным миром, с его нравами и обычаями, ибо эффективной деятельность следователя или сотрудника полиции может быть лишь тогда, когда они знают криминальную среду, с

представителями которой им приходится вести борьбу.

Книга А. Вейнгарта заслуживает внимания еще и потому, что автор впервые предложил использовать в криминалистике понятие «тактика», заимствованное из теории военного искусства. Допустимость такого заимствования аргументируется следующими соображениями, приведенными в книге. «Целью уголовного сыска или раскрытия преступлений является борьба с преступностью и всемерное ограждение личной и имущественной безопасности граждан, – вот почему несущая эту ответственную обязанность сыскная (или уголовная) полиция есть, прежде всего, полиция инициативы, деятельность которой может увенчаться успехом только при условии, если она будет постоянно вести настойчивое, активное и повсеместное преследование преступников, а не пассивно только обороняться от их посягательств... Систематическое изложение приемов борьбы с преступностью, научно объективных и практически проверенных способов расследования преступлений, выяснения виновных, собирания доказательств, задержания и уличения преступника есть не что иное, как уголовно-полицейская тактика, которая является такою же необходимой принадлежностью искусства раскрытия преступлений, как военная тактика в военном искусстве» [2, с. 271]. Предложенное А. Вейнгарт, понятие «тактика» получило признание криминалистов. Правда, ее наименование «уголовная», в силу некоторой своей двусмысленности? позже уже не использовалось, а речь шла о тактике следственной или криминалистической.

Первый советский учебник по криминалистике был подготовлен известным отечественным ученым И.Н. Якимовым в 1925 году [17]. Несомненной заслугой автора является то, что он впервые предложил трехчленную систему криминалистики: уголовная техника, уголовная тактика и методология (применение методов уголовной техники и тактики к раскрытию преступлений). Эта система получила признание и в своей основе

сохранила значение до настоящего времени. Как отмечалось, наименование уголовной в отношении тактики, так же как и техники, сейчас не используется. Третий же раздел, сохранив в общих чертах свое содержание (приемы расследования отдельных видов преступлений), получил наименование методики расследования отдельных видов преступлений.

Вопросы тактики и методики расследования преступлений И.И. Якимов излагает после подробного рассмотрения характеристики личности современных преступников, описания сущности совершаемых ими преступлений, применяемых ими способов и средств. При этом он отмечает: «...чтобы быть победителем в борьбе с преступником, надо знать, что из себя он представляет как человек, как член общества и как член семьи. Зная его отличительные свойства, можно всегда избрать соответствующие средства для борьбы» [17, с. 230]. Рекомендации по расследованию отдельных видов преступлений (краж, грабежей, мошенничества и др.) излагаются по схеме: современные виды этих преступлений, где показана сущность деяний и лиц, их совершающих, а после этого излагаются методы расследования.

Приведенные примеры из трудов первых криминалистов свидетельствуют о том, что методика расследования отдельных видов преступлений с момента своего зарождения базировались на обобщенных данных о том, что представляют собой эти преступления, каков их механизм, каким образом он отражается во внешней среде. Именно на этой основе определялись способы и средства обнаружения и изобличения виновных. Авторы при этом исходили из того, что успешно противостоять преступности могут лишь должностные лица, знающие сущность того общественного явления, с которым им предстоит вести борьбу. Позже криминалисты изменили схему изложения частных методик. В качестве исходного элемента при формировании рекомендаций по расследованию были приняты обстоятельства, подлежащие установлению или доказыванию по рассматриваемой категории уголовных дел [6-7].

Признано целесообразным, прежде чем излагать способы действий следователя, указать цель, которая перед ним стоит. При этом предполагалось, что цель, для достижения которой осуществляются действия, определяет и способ действий.

В конце 70-х – начале 80-х гг. прошедшего столетия по мере разработки положений, касающихся криминалистической характеристики преступлений, структура частных методик снова меняется. Вместо обстоятельств, подлежащих установлению (доказыванию) по данной категории уголовных дел, приводится уже криминалистическая характеристика преступления, которая признается одним из элементов структуры методики расследования отдельных видов преступлений (частной методики). В этот же период публикуются работы ряда авторов, в которых дается определение самого понятия «криминалистическая характеристика преступления», излагаются ее составные элементы, определяется место в криминалистической методике. Так, в одной из работ, опубликованной в 1983 г., криминалистическая характеристика преступления определяется как «...совокупность взаимосвязанных сведений о механизме и способах совершенного преступления, о его последствиях, личности потерпевшего и преступников, месте и условиях содеянного и иных структурных элементах, способствующих определению направления криминалистических средств, приемов и методов раскрытия, расследования и предупреждения отдельных видов преступлений» [13, с. 46].

По мнению В.А. Гамзы, «...криминалистической характеристикой преступления следует считать его информационную модель различного уровня обобщения, содержащую сведения о характерных чертах, качествах, свойствах обстоятельств преступления, подлежащих установлению в уголовном процессе, их закономерных связях и отношениях и закономерностях их отражения, способствующих выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений» [3, с. 16]. Если обратиться к рассмотренным выше трудам первых криминалистов, то нетрудно заме-

тить, что содержание криминалистической характеристики преступлений практически совпадает с тем, что излагалось ранее в разделах, посвященных методике расследования отдельных видов преступлений. Правда, совокупность подобных сведений не называлась криминалистической характеристикой преступлений, авторы не рассматривали ее роль, содержание и систему, а просто излагали сведения о механизме и способах преступлений, о личности преступников, о месте и условиях содеянного, то есть обо всем том, что сейчас рассматривается как содержание криминалистической характеристики преступления. Получается, что криминалисты вернулись к тому, что было ранее. Вернулись уже на более высоком теоретическом уровне. Исходным элементом частных методик становится криминалистическая характеристика преступления [8, с. 208; 9, с. 236].

Следует, однако, заметить, что полного единодушия среди криминалистов в их отношении к сущности и значению криминалистической характеристики преступления не было. Признавая существование этой научной категории, некоторые из ученых все-таки не отрицали значения в частной методике обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Появилась конструкция, где криминалистическая характеристика данного вида преступлений и обстоятельства, подлежащие установлению по делу, упоминались совместно в качестве исходных положений при формулировании методических рекомендаций по расследованию [10, с. 210]. Возникает, таким образом, не нашедший разрешения вопрос: от чего же все-таки зависит способ действий, избираемый следователем, какие обстоятельства влияют на методику расследования? Какова здесь роль предмета доказывания (обстоятельств, подлежащих установлению) по уголовному делу, каково значение криминалистической характеристики преступлений? Попытаемся найти ответ, рассмотрев подробнее характер деятельности, осуществляемой следователем в процессе расследования преступления.

Следователь должен четко представлять себе круг обстоятельств, подлежащих установлению или доказыванию по делу, находящемуся в его производстве, ибо это его конечная цель, для достижения которой он работает. Не зная своей цели, человек не может эффективно трудиться в любой сфере деятельности. Видимо, поэтому некоторые авторы, как уже отмечалось выше, включают в частную методику изложение обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению) по рассматриваемой категории уголовных дел [11, с. 270; 16, с. 167-168]. Логика здесь простая: следователь, работающий по уголовному делу, должен знать свою цель, т.е. обстоятельства, которые он должен доказать, значит, это нужно включить в частную методику.

Такой подход, однако, не является бесспорным. Действительно, следователь должен знать то, что ему предстоит доказать в процессе расследования, но он как профессионал должен знать еще многое из того, что не изучается криминалистикой. В учебных планах вузов, готовящих следователей, помимо криминалистики, предусмотрены и другие дисциплины, в том числе уголовное право и уголовный процесс. Сущность и содержание обстоятельств, подлежащих доказыванию, рассматривается именно в рамках этих профильных для следователя дисциплин. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, в общей форме перечислены в ст. 73 УПК РФ, но уяснить, что именно необходимо доказать по конкретному находящемуся в производстве уголовному делу, нельзя, не обратившись к нормам уголовного кодекса. Так, ст. 73 УПК РФ содержит указание на необходимость доказать, что имело место событие преступления. Это само противоправное деяние, его способ, время и место, т.е. объективная сторона преступления. Там же предписывается установить виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотив, собрать сведения о личности обвиняемого и т.д. Здесь речь идет о субъекте и субъективной стороне преступления. Сущность этих понятий раскрывается в разделе втором Уго-

ловного кодекса РФ, в котором дается понятие преступления, излагаются элементы его состава. Этого, однако, недостаточно, чтобы определить предмет доказывания по каждому конкретному делу. Следует обратиться к тексту статьи особенной части УК, по которой возбуждено уголовное дело. Именно там определяется сущность преступного деяния, признаки которого нужно установить в ходе его расследования. Именно в диспозиции статьи указан характер деяния, способ его совершения и вредные последствия, цели и мотивы виновного.

Криминалистическая методика изучается после того, как слушатели завершили изучение уголовного права и уголовного процесса, а потому обязаны уже знать все то, что относится к предмету доказывания по уголовному делу. Следует ли криминалистам брать на себя повторение того, что изучалось слушателями ранее? Если исходить из известной формулы «повторение – мать ученья», то вреда такая практика обучаемым не принесет: глубже усвоят, лучше запомнят. Но при этом нужно учитывать, что криминалисты вольно или невольно берут на себя изучение и преподавание вопросов, лежащих за пределами их собственной дисциплины. При ответе на поставленный вопрос важно также уяснить, как соотносятся понятия «криминалистическая характеристика преступления» и «обстоятельства, подлежащие доказыванию» (предмет доказывания). Будучи категориями самостоятельными, они вместе с тем тесно связаны между собой. Поскольку в том и в другом случае речь идет о преступлении, криминалистическая характеристика и предмет доказывания основываются на положениях уголовного закона. Именно там дается понятие преступления, раскрываются элементы его состава.

Криминалистическая характеристика, будучи своеобразной информационной моделью преступлений определенного вида, дает развернутое их описание, основанное на обобщении следственной практики. В этих условиях рассмотрение в частной методике предмета доказывания одновременно с достаточно развернутой криминалистиче-

ской характеристикой преступления представляется излишним. Наряду с криминалистической характеристикой преступлений в теории и практике существует еще одна, близкая по наименованию и более важная с криминалистических позиций, категория – криминологическая характеристика преступлений. Возникает вопрос: как соотносятся эти категории, есть ли между ними различие, в чем оно состоит?

Как видно из самого наименования, криминологическая характеристика преступлений – это категория, имеющая отношение к криминологии. Криминология – наука о преступности, ее причинах, личности преступников, путях и средствах предупреждения преступлений [12, с. 1; 15, с. 155]. Криминология изучает преступления (преступность) как сложное социальное явление, имеющее свои причины, а также комплекс присущих ему качественных и количественных характеристик, свою территориальную распространенность; свои сферы, в которых оно реализуется. Конечной целью изучения криминологами преступлений является разработка средств и методов контроля и предупреждения преступлений.

Научное исследование любого объекта (явления) всегда связано с выделением его особенностей, типичных, характерных для него черт или признаков. Знание этих признаков дает возможность уяснить сущность изучаемого объекта, предложить средства и способы его преобразования или использования для решения возникающих практических задач. Совокупность же типичных особенностей исследуемого объекта именуется его характеристикой. В данном случае выделенные криминологами специфические черты изученных преступлений получили наименование их криминологической характеристики. В числе элементов криминологической характеристики преступлений выделяют и рассматривают: свойства личности преступников и свойства личности потерпевших, типичные цели и мотивы преступников, причины преступлений, их механизм или способы совершения, последствия

преступлений, социальные условия и обстоятельства, способствующие преступлению, статистические данные о преступности, сведения о территориальной распространенности и распространенности по разным сферам жизнедеятельности, а также некоторые другие свойства, позволяющие уяснить сущность изучаемого объекта и предложить меры контроля преступности и ее профилактики [5; 14].

Криминалистическая характеристика преступлений, как отмечалось, – это информационная модель преступлений определенной категории, содержащая данные об их структуре и основных типичных свойствах и связях между ними, используемые для разработки средств и способов раскрытия преступлений. В числе элементов криминалистической характеристики, как отмечалось, данные о свойствах личности преступников, типичных целях и мотивах преступлений, о типичных объектах и последствиях преступного посягательства, способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений, типичных условиях, в которых готовятся и совершаются преступления, специфические следы преступной деятельности и некоторые другие.

Из изложенного видно, что криминология и криминалистика занимаются изучением преступлений – общественно опасных деяний, запрещенных законом под страхом уголовного наказания (ст. 14 УК РФ). Цели, которые преследуются при этом криминологией и криминалистикой, различаются. Для криминологии это определение мер контроля и профилактики преступлений, для криминалистики – средств и методов выявления и раскрытия преступлений. Сопоставление элементов, нашедших отражение в криминологической и криминалистической характеристиках? показывает, что некоторые из них совпадают. Например, и криминологи, и криминалисты изучают особенности личности преступников. Здесь имеется в виду определение категорий лиц, совершающих те или иные преступления, их пол, возраст, специальность, уровень образования, место жительства и другие социологические

данные. Установлено, что некоторые преступления совершаются определенной, достаточно устойчивой категорией лиц, и это обстоятельство влияет на меры профилактики и методы раскрытия преступлений.

Криминологи изучают личность потерпевших в результате преступлений, а виктимология – криминологическое учение о жертве преступлений. В ряде случаев, когда поведение потерпевших влияет на действия преступников, является провоцирующим фактором, когда данные о поведении потерпевшего необходимы для установления обстоятельств и причины преступления, виктимологический аспект рассматривается и в криминалистической характеристике преступления. В определенной мере совпадают и такие элементы криминологической и криминалистической характеристик преступлений, как цели и мотивы, присущие определенным категориям преступников, как механизм или способы совершения преступлений и др. Однако нужно иметь в виду, что здесь нельзя говорить о полном совпадении или дублировании элементов той или другой характеристик.

Криминология по общему правилу рассматривает проблему в более широком плане, нежели криминалистика. Меры профилактики и контроля могут применяться и применяются по отношению к нескольким видам преступлений, поэтому криминологическая характеристика имеет более высокий уровень обобщения. Существует, к примеру, криминологическая характеристика насильственных или корыстных преступлений [14, с. 345-606]. Для формирования же методики раскрытия преступлений требуется иной, более детальный уровень обобщения. Так, преступления, относящиеся к категории насильственных, включают деяния, существенно различающиеся между собой по целому ряду признаков, и для их раскрытия требуется установление таких обстоятельств, которые для профилактики не имеют значения. Существенно различаются между собой, например, входящие в группу насильственных такие преступления, как убийства (ст. 105 УК РФ), похищение человека (ст. 126 УК РФ), изнасилование (ст. 131

УК РФ) и т.д. Каждому из них присущи свои способы совершения и сокрытия, различные цели и мотивы преступления, отсюда и свои специфические следы совершенного деяния. Влияют на методику раскрытия и специфические следственные ситуации, возникающие после обнаружения факта преступления и возбуждения уголовного дела. Такого рода обстоятельства обычно не имеют значения для определения способов профилактики, но существенны для формирования методики раскрытия преступлений.

Можно утверждать, что криминологические и криминалистические характеристики, сформированные на основе изучения определенных категорий преступлений, являются результатом разного уровня обобщений. Соотношение их – соотношение общего и частного. Более широкий уровень характерен для криминологических характеристик, более детальный – для криминалистических. Криминология может предложить методы профилактики такой группы преступлений, как насильственные, но криминалистика дать единую методику их раскрытия не в состоянии. Методика раскрытия убийств будет отличаться от методики раскрытия изнасилований.

Криминологическая и криминалистическая характеристики различаются и по содержанию некоторых входящих в них элементов. Так, типичные следы тех или иных видов преступлений – это постоянный элемент их криминалистической характеристики. Он важен для методики раскрытия, но не является существенным для профилактики, а потому в криминологической характеристике не рассматривается. В криминалистике важны корреляционные связи между элементами. Корреляция в широком смысле – это взаимосвязь, взаимозависимость предметов, явлений или понятий. И такая взаимосвязь элементов криминалистической характеристики существует реально и используется практикой. Именно поэтому основоположники криминалистики излагали в своих трудах сведения о преступниках, средствах и способах, используемых ими.

Известно, например, что опытный оперативный работник или следователь могут судить о том, кто именно из известных им рецидивистов совершил расследуемое деяние. И эта связь носит закономерный характер. Свои специфические средства изготовляют спецслужбы иностранных государств и сведения об оснащении агента позволяют определить, на какую из них он работает. Известна взаимосвязь между орудиями преступления и их следами на месте происшествия и т.д. Так что корреляционные связи между элементами криминалистической характеристики существуют. Другое дело, что изучать их, уточнять и конкретизировать необходимо и в дальнейшем. И этот процесс будет осуществляться непрерывно, ибо криминальная практика, как и все другие явления объективной реальности, непрерывно изменяется.

Таким образом, говоря о сущности криминологической и криминалистической характеристик преступлений, можно утверждать, что это родственные категории. Их сходство в том, что и та другая есть результат научного исследования определенных видов преступлений, содержащий комплекс их специфических признаков. На основе этих признаков криминология и криминалистика разрабатывают средства и методы решения стоящих перед ними практических задач. Различие между ними в том, что первая из них является основой, на которой предлагаются средства и методы контроля и профилактики преступлений, а вторая позволяет предложить методику их раскрытия.

Таковы, на наш взгляд, общие положения, касающийся сущности и значения криминалистической характеристики преступлений, ее соотношения с характеристикой криминологической. Изложенные выше соображения позволяют, на наш взгляд, утверждать, что криминалистическая характеристика отнюдь не изжила себя и не превратилась в иллюзию или криминалистический фантом. Она полезна и сейчас, и роль ее будет возрастать по мере углубления дальнейших исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. – М.: Норма, 2001. – 240 с.
2. Вейнгарт А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. – СПб. : Издание «Вестника полиции», 1912. – 271 с.
3. Гамза В.А. Криминалистическая характеристика преступления: сущность, структура и содержание // Сб. науч. тр. Академии права и управления: вып. 2. – М.: Академия права и управления (институт), 2002. – С. 3-16.
4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, как система криминалистики / новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. [СПб]. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
5. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.
6. Криминалистика: учебник / под ред. С.П. Митричева, М.П. Шаламова. – М. : Юридическая литература, 1966. – 607 с.
7. Криминалистика : учебник. Т. II. / под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова. – М. : НИИРИО ВШ МВД СССР, 1970. – 478 с.
8. Криминалистика: учебник / под ред. А.Н. Васильева. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 320 с.
9. Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Пантилеева и Н.А. Селиванова. – М. : Юридическая литература, 1984. – 672 с.
10. Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова и В.Я. Колдина. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 463 с.
11. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. – М. : Юриспруденция, 2000. – 381 с.
12. Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Г.М. Миньковского. – М.: Юридическая литература, 1988. – 384 с.
13. Куклин В.И. Методика расследования отдельных видов преступлений : учебное пособие. – Иваново: Изд. ИГУ, 1983. – 92 с.
14. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.
15. Юридический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1984. – 415 с.
16. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М. : Юрист, 2005. – 174 с.
17. Якимов И.Н. Криминалистика: руководство по уголовной технике и тактике. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1925. – 360 с.

РАЗДЕЛ III. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК 342.723

Семыкин В.В.

Московский государственный областной университет

ПРИМЕНЕНИЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ДЕЛ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

V. Semykin

Moscow State Regional University

JUDICIAL DISCRETION APPLICATION AT RESOLVING CASES ON COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

Аннотация. В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов юридической науки и практики – о судебном усмотрении при разрешении дел о компенсации морального вреда. Автором представлены существующие подходы к понятию судебного усмотрения в научной литературе. Подробно рассматривается один из видов усмотрения суда – ситуационного усмотрения, в том числе при определении размера компенсации морального вреда. Дан анализ категории разумности и справедливости судебного усмотрения, ограничения судебного усмотрения, законодательного закрепления оценочных критериев причинения морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, судебское усмотрение, правоприменительная деятельность суда, ситуационное усмотрение.

Abstract. The article considers one of the most debated issues in scientific legal literature - judicial discretion at resolving cases on compensation for moral damage. The author surveys scientific literature on approaches to the concept of judicial discretion. One of the types of discretion of the court – situational discretion – is considered in detail including the cases of determining the amount of compensation. The author analyses the category of reasonability and fairness of judicial discretion, restrictions of judicial discretion, legality of assessment criteria of the inflicted moral damage.

Key words: moral damage, compensation for moral damage, judicial discretion, law enforcement activity of the court, case of discretion.

При рассмотрении дел о компенсации морального вреда велика роль применения судебного усмотрения. Чтобы установить правила и границы его использования, необходимо определиться с самим понятием. В юридической литературе вопрос о судебском усмотрении остается дискуссионным, поскольку в научной литературе существует несколько подходов к понятию. Так, например, Д.М. Чечот определяет усмотрение суда как «свободу судьи в выборе соответствующего решения» [10, с. 68]. Другие исследователи считают, что основной чер-

той данной категории является «учет общих основ закона и конкретных обстоятельств дела» [5, с. 49]. А. Барак судебское усмотрение рассматривает как «полномочие, которое закон дает судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна» [2, с. 13]. И.Р. Винаркевич высказывает мнение, что судебское усмотрение – это «выбор судьей варианта разрешения юридического дела, основанный на его субъективном восприятии обстоятельств дела и его субъективном толковании правовых норм» [3, с. 37].

Наиболее убедительным и разработанным представляется определение судебское усмотрения, данное О.А. Папковой: это «предусмотренная юридическими нормами, осуществляемая в процессуальной форме мотивированная правоприменительная деятельность суда, состоящая в выборе варианта решения правового вопроса, имеющая общие и специальные пределы» [8, с. 39]. Следовательно, усмотрение суда устанавливается и регламентируется определенными нормами права, а в данном случае – нормами гражданского процессуального права. Форма осуществления усмотрения – процессуальная, то есть «суд вправе совершать те действия, которые предусмотрены соответствующими процессуальными нормами, т.е. формой» [8, с. 40]. Кроме того, усмотрение суда обладает и такой характеристикой, как его мотивированность, то есть подкреплённость логически выбранными нормами права. Также судебское усмотрение является обязательной деятельностью специально уполномоченного органа – суда, состоящей в выборе решения конкретного юридически значимого вопроса в установленных законом пределах.

Для качественного рассмотрения сути проблемы рассмотрим один из видов усмотрения суда – ситуационное усмотрение и, как один из его вариантов, применение данной категории усмотрения при определении размера компенсации морального вреда. Законом установлено, что «размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий,

а также степени вины причинителя вреда ...; должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом ...» (ст. 410, 1101 ГК РФ) [4]. Таким образом, законодатель не установил ни минимального, ни максимального размера компенсации морального вреда, оставив решение этого вопроса на усмотрение суда. В связи с проблематичностью трактовки указанной нормы в научном отношении возникают вопросы о целесообразности ее существования в нормативных актах, и поэтому высказываются предложения о «необходимости законодательного закрепления оценочных критериев причинения морального вреда для определения сумм, подлежащих возмещению» [8, с. 347].

Так, А.М. Эрделевский предлагает закрепить положение о соотносимости размера компенсации морального вреда с перенесенными страданиями, то есть «большей глубине страданий должен соответствовать больший размер компенсации, и наоборот» [11, с. 47]. Как следствие, исследователь предлагает использовать для определения размера компенсации специальную таблицу, где в левой колонке указан вид совершаемого правонарушения, а в правой – размер компенсации презюмируемого морального вреда в относительных единицах и в минимальных размерах заработной платы. Предлагаемый им базисный уровень размера компенсации «определяется применительно к страданиям, испытываемым потерпевшим при причинении тяжкого вреда здоровью» [12, с. 133]. В случае законодательного закрепления такой таблицы судебское усмотрение будет значительно ограничено. И встает вопрос о целесообразности внесения таких изменений, поскольку перечень нематериальных благ, защищаемых путем компенсации морального вреда, не является исчерпывающим. Кроме того, судебское усмотрение при рассмотрении данных категорий дел уже имеет свои пределы и не является неограниченным – такие рамки установлены статьями 151, 1101 ГК РФ: вина правонарушителя, степень физических и нравственных страданий, перенесенных потерпевшим, его индивидуальные особенности. Также установлен сравнительно

новый для российского законодательства предел – учет требований разумности и справедливости [4].

Требование разумности судейского усмотрения связывается с «объективной стороной действий субъекта, поскольку характеризует действие лица опосредованно, через сравнение его поведения с возможным поведением среднего человека в конкретных обстоятельствах» [8, с. 190]. Что касается самой категории справедливости, то в лингвистическом значении термин «справедливый» определяется как «действующий беспристрастно; соответствующий истине» [7, с. 757]. В рамках судейского усмотрения при рассмотрении дел о компенсации морального вреда данная категория предполагает, «во-первых, равенство всех перед законом и судом, равноправие сторон; во-вторых, правовую (юридическую) справедливость» закрепленную в Конституции РФ [8, с. 108]. Более того, категорию справедливости можно рассматривать и с точки зрения самостоятельного требования, предъявляемого к решению суда, в котором конкретизируются права и обязанности сторон (как в рассматриваемой категории споров), в качестве частного случая установленного требования законности. В отличие от АПК РФ, где п. 3 ст. 2 прямо указывается, что одной из задач судопроизводства является «справедливое публичное судебное разбирательство ...», [1] в ГПК РФ данное требование непосредственно не обозначено. Исходя из общего толкования норм ГПК РФ, можно прийти к выводу, что суд, обладая необходимыми полномочиями, может «конкретизировать правоотношение, руководствуясь требованиями справедливости» [6, с. 338], поэтому в этом случае решение конкретного вопроса остается на усмотрение суда.

Ограничения судейского усмотрения требованиями разумности и справедливости обретают действенное значение в правоприменительной практике. Так, по конкретному иску о взыскании компенсации морального вреда в связи с несвоевременным оказанием истцу медицинской помощи. Постановлением президиума Ярославского областного суда по делу № 44-г-10/2009 сумма компенсации в

размере 2000 рублей была признана не соответствующей «предусмотренным ст. 1101 ГК РФ требованиям разумности и справедливости, а размер компенсации морального вреда является явно заниженным», в результате чего было постановлено сумму такой компенсации увеличить до 10000 рублей [9]. Поскольку нельзя установить шаблонный способ исчисления размера компенсации морального вреда, применяемый в любом случае, постольку размеры таких сумм будут зависеть от конкретных обстоятельств предъявленного иска, что требует «разумного и взвешенного подхода суда к их оценке, не допускающего определения как неоправданно незначительных, так и необоснованно завышенных сумм» [8, с. 349]. Помимо прочего, усмотрение суда должно быть ограничено и изучением соответствующего материального положения как истца, так и ответчика по рассматриваемой категории дел, поскольку взыскиваемый размер компенсации должен соответствовать установленным принципам законности и равенства граждан перед судом.

В целом применение судейского усмотрения при рассмотрении исков о компенсации морального вреда является не только правом, но и прямой обязанностью суда. При этом данное правомочие закреплено законодательно, осуществляется в специально установленной процессуальной форме и в предусмотренных законом пределах.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=1540>.
2. Барак А. Судейское усмотрение. – М.: Норма, 1999. – 376 с.
3. Винаркевич И.Р. Допустимые пределы судейского усмотрения / Экономический лабиринт: дальневосточный экономико-правовой журнал [2002, № 11 (54)] [сайт]. URL: <http://www.economer.khv.ru/content/n054/08> (дата обращения: 01.10.2013 г.)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». (часть первая, вторая) <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=153956>; <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148659>.

5. Комиссаров К.Н. Судейское усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 49-56.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. М.С. Шакарян. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. – 752 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1983. – 816 с.
8. Папкова О.А. Усмотрение суда. – М.: Статут, 2005. – 413 с.
9. Постановление Президиума Ярославского областного суда по делу № 44-г-10/2009. [сайт]. URL: www.oblsud.yar.ru.
10. Чечот Д.М. Административная юстиция (проблемы применения). – Л.: ЛГУ, 1979. – 134 с.
11. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 320 с.
12. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Издательская группа ФОРУМ – ИНФРА-М, 2007. – 457 с.

РАЗДЕЛ IV. Трибуна молодого учёного

УДК 343.37

Ларин П.И.

Московский государственный областной университет

УГОЛОВНАЯ ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (СТ. 170.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

P. Larin

Moscow State Regional University

THE ILLEGITIMACY OF THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES FALSIFICATION (ART. 170.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности и особенностей уголовной противоправности деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная статья была введена так называемым антирейдерским законом (Федеральный закон от 01.07.2010 № 147-ФЗ), который впервые установил уголовную ответственность за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц. Автор на основе материального основания уголовной противоправности фальсификации единого государственного реестра юридических лиц анализирует ряд признаков состава этого преступления и поднимает проблему о несоответствии между признаками субъекта и объективной стороны преступления.

Ключевые слова: фальсификация, единый государственный реестр юридических лиц, смешанная уголовная противоправность, заведомо ложные сведения, субъект преступления.

Abstract. The paper deals with the study of the nature and characteristics of illegitimacy of the act under Part 1 of Art. 170.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. This article was introduced by the so-called anti-raider law (Federal Law of 01.07.2010 № 147-FL) which was the first to establish criminal liability for falsification of the Unified State Register of Legal Entities. Based on material grounds of illegitimacy of criminal falsification of the Unified State Register of Legal Entities the author examines a number of characteristics of this crime and raises the problem of discrepancy between the features of the subject and the objective side of the crime.

Key words: falsification, the Unified State Register of Legal Entities, mixed illegitimacy, deliberately false information, the subject of a crime.

Федеральный закон от 01.07.2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Фе-

дерации» [9] (далее – Закон № 147-ФЗ) дополнил особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации [8] (далее – УК РФ) ст. 170.1 «Фальсификация Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета». Законодатель этой статьей предусмотрел уголовную ответственность за фальсификацию нескольких систем учета: единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета. В связи с тем, что отмеченные системы учета имеют различия между собой, мы в рамках данной работы раскроем содержание уголовной противоправности только фальсификации Единого государственного реестра юридических лиц.

Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ уголовная ответственность может наступить только за то деяние, которое запрещено уголовным законом. Это положение выражает один из признаков преступления – противоправность. В свою очередь, противоправность имеет формальное и материальное основание. Формальное основание противоправности вытекает из взаимосвязи принципов ответственности человека только за свой сознательный, волевой поступок и возникновения юридической силы закона после его опубликования. Предметная юридическая оценка поведения человека допустима только после провозглашения соответствующего правового запрета. Материальное основание противоправности заключается в том, что деяние нарушает правоотношения определенной отрасли права, чем создает угрозу для существования фактических отношений. Материальное основание противоправности фальсификации Единого государственного реестра юридических лиц составляют правоотношения, установленные Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [10] (далее – Закон о регистрации).

В силу пп. а п. 1 ст. 12, 14, 17, а также п. 2 ст. 17, п. 1.2 ст. 9 Закона о регистрации

императивная обязанность предоставить достоверные сведения в регистрирующий орган возложена на заявителя. Форма заявления, подготовленная регистрирующим органом, уже содержит утверждение заявителя о достоверности указанных им сведений. Согласно ст. 25 Закона о регистрации предоставление недостоверных сведений признается неправомерным поведением. Из этого следует, что уголовно-правовой запрет на предоставление заведомо ложных сведений в регистрирующий орган не является собственно уголовным, он произведен от запрета, содержащегося в Законе о регистрации. В науке уголовного права такой способ выражения уголовной противоправности получил название «смешанной противоправности» [3, с. 120]. Следовательно, создавая уголовно-правовую норму о фальсификации единого государственного реестра, законодатель должен был отразить в ней признаки преступления с учетом положений Закона о регистрации.

Как было указано выше, обязанность предоставления достоверных сведений возложена на заявителя. Согласно п. 1.3. ст. 9 Закона о регистрации заявителями могут быть руководитель юридического лица или иное лицо, имеющее право действовать без доверенности от имени общества, избранное решением учредителей (участников) общества (далее по тексту – представитель без доверенности)¹. Тем самым, субъектом фальсификации единого государственного реестра не может быть любое лицо, а только руководитель юридического лица или представитель без доверенности. Кроме того, субъект должен знать о ложности сведений в момент их предоставления в регистрирующий орган. Знание о ложности сведений в момент их предоставления в регистрирующий орган (заведомость) основано на восприятии обстановки собрания, принятых

¹ Учредитель (участник) регистрируемого юридического лица и другие лица, перечисленные в п.1.3. ст. 9 Закона о регистрации не указаны нами, так как они предоставляют сведения, не перечисленные в диспозиции ст. 170.1 УК РФ.

решений и выборе содержания протокола, противоречащего произошедшему, либо изготвлении протокола по вопросам, которые вообще не обсуждались на собрании (ложь).

Составителем протокола (его автором) может быть любое лицо. Из п. 6 ст. 37 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [11] (далее – Закон об ООО) следует, что императивная обязанность по организации ведения протокола возложена на единоличный или коллегиальный исполнительный орган общества. В ст. 63 Федерального закона «Об акционерных обществах» [12] (далее – Закон об АО) также не указано лицо, составляющее протокол собрания акционеров. Причем в силу п. 4 ст. 56 Закона об АО достоверность протокола в части результатов голосования обеспечивается счетной комиссией, в состав которой не могут входить члены управляющих органов, в том числе руководитель. Таким образом, субъект фальсификации единого государственного реестра юридических лиц является специальным, и суд в каждом отдельном случае должен установить, что именно руководитель юридического лица или представитель без доверенности подписали заявление, содержащее ложные сведения, и они знали об этом, т.е. были авторами таких сведений. Отсюда получается, что состав фальсификации единого государственного реестра юридических лиц не может охватывать наиболее распространенные случаи, когда в регистрирующий орган предоставляются поддельные документы.

Так, Ш.А. совместно с не установленным следствием лицом изготовили поддельное заявление формы № Р14001 от имени генерального директора Л. «о смене генерального директора организации». Рукописная часть данного заявления была заполнена матерью Ш.А. – К.Л. Не установленным следствием лицом в указанном заявлении были подделаны подписи от имени директора Л. и от имени нотариуса А., а также нанесены оттиски поддельных печати и штампа этого нотариуса. Далее члены преступной группы представили в регистрирующий орган за-

ведомо поддельные документы: заявление формы № Р14001 и приказ о назначении одного из соучастников генеральным директором общества [1]. В другом случае участники общества, С.А. и Д.А., совместно изготовили поддельные заявления и протоколы общих собраний участников общества, а именно: протокол внеочередного общего собрания участников общества о прекращении полномочий директора общества А.Г. и назначении на должность директора С.А., а также заявление о внесении в ЕГРЮЛ изменений в сведения о юридическом лице [5]. Еще одним примером является дело К.В. Имея умысел на приобретение права распоряжаться долей уставного капитала общества и входящим в эту долю недвижимым имуществом, К.В. путем обмана получил листы бумаги с оттисками печати ООО «С», которые использовал при изготовлении решений о смене генерального директора и переименования Общества, указанные документы послужили основанием для внесения в ЕГРЮЛ изменений [2].

На указанное выше положение можно возразить: согласно абз. 2 п. 3 ст. 9 Закона о регистрации документы могут быть предоставлены любым лицом. Следовательно, субъект общий. Действительно, как указывалось Верховным судом РФ при рассмотрении дела о признании недействующим пункта 3 Требований к оформлению документов, используемых при государственной регистрации юридических лиц, а также физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 19 июня 2002 г. № 439 [4]: «Правительство РФ не вправе было ограничивать, по сравнению с Законом о регистрации, права граждан по представлению документов в регистрирующий орган непосредственно ими самими, исключив при этом их право на осуществление таких действий через своего представителя или любого другого лица» [6].

Но в том дело и заключается, что предоставление сведений и подтверждение достоверности – это два разных действия. Предо-

ставить (подать) документы, действительно, может любое лицо, подтвердить достоверность сведений – только заявитель (п. 1а ст. 12, 14, 17 Закона о регистрации). А подтверждение достоверности имеет ключевое значение для новой уголовно-правовой нормы, как указывает один из разработчиков Закона № 147-ФЗ, Г.К. Смирнов: «Основным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, является установленный порядок обеспечения достоверности сведений, вносимых в единый государственный реестр юридических лиц» [7, с. 81]. На основе изложенного можно сделать выводы, что фальсификация Единого государственного реестра юридических лиц характеризуется смешанной уголовной противоправностью; фальсификацию Единого государственного реестра юридических лиц совершает специальный субъект – руководитель юридического лица или иное лицо, имеющее право действовать без доверенности от имени общества; в связи с этим состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, не может охватывать случаи предоставления поддельных документов для внесения изменений в единый государственный реестр юридических лиц.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Кассационное определение Ленинградского областного суда от 10.06.2010 г. № 22-930/2010 / СПС КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=39958;dst=0;ts=03688D6AFE9B85C0452EC5D9FB099F63;rnd=0.6625212517901102> (дата обращения: 01.10.2013 г.)
2. Кассационное определение Московского городского суда от 14.11.2012 г. № 22-14850/2012 / СПС КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=496274;dst=0;ts=9260CB501FB3E5035589BA7D057D04;rnd=0.34185573565085762> (дата обращения: 01.10.2013 г.)
3. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
4. Постановление Правительства РФ от 19.06.2002 № 439 «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, используемых при государственной регистрации юридических лиц, а также физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей» (ред. от 09.03.2010) // СЗ РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2586.
5. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 16.08.2010 г. № 05АП-4251/2010, 05АП-4252/2010 по делу № А51-10557/2009 / СПС КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAPS005;n=3098;dst=0;ts=4F00118305112697C82EFD91B984E5EA;rnd=0.04632253072162307> (дата обращения: 01.10.2013 г.)
6. Решение Верховного Суда РФ от 01.08.2006 г. № ГКПИ06-735 / СПС КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=62258;dst=0;ts=265680BF05FEAAC665FCBC255EB7658E;rnd=0.8989945920637631> (дата обращения: 01.10.2013 г.)
7. Смирнов Г.К. Ответственность за рейдерство, преступления в сфере учета прав на ценные бумаги и государственной регистрации. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 152 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
9. Федеральный закон от 01.07.2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2010. – № 27. – Ст. 3431.
10. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 29.12.2012) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431.
11. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 29.12.2012) // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
12. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 29.12.2012) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеев Роман Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; email: antonida08@rambler.ru.

Арямов Андрей Анатольевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета; email: Aryamov65@mail.ru.

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; email: vardanb@mail.ru.

Голышев Вадим Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; email: kaf-grpd@mgou.ru.

Козьякова Наталия Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; email: nat5985@yandex.ru.

Ларин Павел Игоревич – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного областного университета; email: 89153016508@mail.ru.

Мерзлякова Валерия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного областного университета; email: vmerzlyakova@mail.ru.

Надысева Эльвира Ханифовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Московского государственного областного университета; email: olanad@mail.ru.

Пещеров Георгий Иванович – доктор военных наук, профессор, академик Академии военных наук, заведующий кафедрой социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета, доктор военных наук, академик Академии военных наук; email: georgiy-p@yandex.ru.

Румянцев Андрей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский новый университет»; email: vadim-1966@list.ru.

Семыкин Вячеслав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Московского государственного областного университета; email: vsemykinv@yandex.ru.

Шарафутдинов Евгений Алексеевич – прокурор Кемеровской межрайонной прокуратуры по надзору за исполнением законов в угледобывающей отрасли; e-mail: Sharafutdinov-rap@mail.ru.